

1962

ГАГАРИН

Есть город Гагарин, и корабль «Гагарин», и, наверно, скоро это имя нанесут и на марсианские, и на звездные карты.

А был не корабль, не город, — был Юра, сперва мальчик в тужурке ремесленника, затем юноша-литейщик, а потом офицер Военно-Воздушных Сил.

Последнюю ночь перед стартом он провел так, что врачи изумились: безмятежно посапывал, не ворочался, рука к щеке.

— Как спалось? — спросили его утром.

— Как учили, — ответил он.

Это очень искренние слова. Конечно же, он волновался. Но усилием воли заставил себя быть спокойным, уснуть, потому что для завтрашнего полета понадобится много сил. Иначе говоря, крепко спать в ту ночь тоже было для него делом, и он постарался выполнить его как можно лучше.

Каждую свою обязанность он стремился исполнять хорошо.

Когда он еще учился в авиационном училище, он получил однажды тройку, а это означало, что на реактивных машинах в ближайшие недели друзья будут летать без него.

Тройка случайная, походи за преподавателем, выпроси балл повыше. А Юрий заново сел за учебники. И выучил предмет так, что уже и комар бы носа не подточил.

Он словно предчувствовал, что настанет миг, когда ему не на кого будет положиться, кроме как на себя.

Нет, конечно, товарищи останутся рядом, их голос он услышит по радио, — но перегрузки, но невесомость, но встреча с обстоятельствами, каких никто в мире до него не изведal, — это лишь для него, он сам, и только сам должен со всем этим справиться.

Он занял место в кабине «Востока» и сто восемь минут работал, стараясь работать как можно лучше. И эти сто восемь минут явились в календаре человечества новой точкой отсчета.

Минуло десять гагаринских лет, в Центре дальней космической связи человек двигает рычаги, и аппарат на поверхности Луны совершает очередной бросок.

На первых сеансах частота пульса и артериальное давление у водителей «Лунохода» повышались так, будто они сами ехали по Луне, впервые в мире, в своем фантастическом экипаже. Но они запрещали себе волноваться, справлялись с собой, потому что дело надо было сделать хорошо. По-гагарински.

Посмотри вокруг, и ты увидишь людей, похожих на него. Скромных, не умеющих говорить красно. Они не помышляют о славе, не ищут подвига, — они делают дело.

А потом их именами называют звезды.

1963

1964

1965

1966

1967

1968

1969

1970

1971

Три месяца и вся жизнь

Вадим Григорьев

Рисунок М. Таранова

С Адольфом Августовичем Рымко я познакомился весной, в годовщину тех самых дней, с которых в молодости началась его революционная биография.

Третьего апреля семнадцатого года петроградские рабочие встречали В. И. Ленина.

Лучи прожекторов скрестились на башне броневика. Площадь замерла, вслушиваясь в речь вождя. И никто, конечно, не интересовался, что это за легковая машина стоит у подъезда Финляндского вокзала и чем не на шутку огорчен ее восемнадцатилетний шофер.

Шоферу не повезло. Центральный Комитет партии доверил водителю первой запасной автомобильной роты товарищу Рымко встретить Ильича на вокзале и отвезти на квартиру, а тут вон что получилось: даже послушать Ленина как следует не удастся. Разве пробьешься?..

Машиной в этот день Ленин не воспользовался: уехал во дворец Кшесинской на броневике.

Через несколько дней Рымко поручили за-

ехать за Владимиром Ильичом на Петроградскую сторону. Утром он ждал у подъезда дома номер сорок восемь на Широкой улице.

Ильич вышел из парадной. Внимательно посмотрел на смущенного паренька в кожаной куртке, улыбнулся:

— Ну что, батенька, поехали?

Рокочущий «делоне-бельвиль» носился по Петрограду: от дворца Кшесинской, где помещался ЦК РСДРП, к Таврическому, а от туда в редакцию газеты «Правда» и, уже в голубом сумраке белой ночи, — домой, на Широкую улицу.

Центральный Комитет партии большевиков обязал Адольфа Августовича, как и других шоферов, возивших в то время Ленина, постоянно менять маршруты поездок и ни под каким предлогом не останавливаться в пути. Кроме того, Подвойский решил вооружить Рымко.

Обычную шоферскую форму тех лет — кожаную куртку — теперь дополнил пояс с огромным маузером в деревянной кобуре.

Ильич неспешно оглядел ковбойское снаряжение шофера:

— Вы что, воевать собрались?

— Ну как же, Владимир Ильич, надо же на всякий случай, мало ли что...

— Нет, не надо, — серьезно возразил Ленин. — Не надо ничего на себя навешивать, тогда на нас с вами и внимания не обратят.

Оружие Рымко все-таки оставил, но теперь прятал его под сидением автомобиля.

Как-то Ильич вышел и не увидел в машине шофера. Он заглянул в кабину. Рымко спал так сладко, как спится в восемнадцать лет. Ильич потряс его за плечо.

— Давно приехал? — спросил он озабоченно.

— Минут пятнадцать назад, — ответил сконфуженный парень, заведомо преуменьшая время.

— Зачем так рано приезжать? Опаздывать не надо, но и дежурить абсолютно не нужно...

Наступили июльские события. Владимиру Ильичу пришлось перейти на нелегальное положение. Адольф Рымко был арестован. А после освобождения ему довелось принять участие в выполнении еще одного задания, требовавшего смелости, осмотрительности и мужества.

Перед штурмом Зимнего дворца группе революционных шоферов поручили провести дерзкую операцию. Правительство Керенского сосредоточило на Дворцовой площади грузовики, чтобы при первой необходимости удрать из Петрограда. Революционные шоферы должны были проникнуть на площадь и демонтировать грузовики, чтобы ни один из них не смог сдвинуться с места. В эту группу входил и Адольф Рымко.

Водители прошли на площадь открыто, так, что охрана дворца приняла их за своих. Выбрали себе по грузовику и увели с площади к штабу восстания — Смольному, а с остальных машин сняли магнето.

Своей шоферской профессии Адольф Августович остался верен всю жизнь. Правда, в годы гражданской войны ему не пришлось сидеть за рулем: молодой красногвардеец служил механиком прожекторной команды в штабе воздушной обороны Петрограда.

Зато в 1929 году Адольфу Августовичу поручили организовать первый в Ленинграде таксомоторный парк. Под сводами старых корпусов гаража сверкали лаком двадцать девять новеньких, только что полученных из-за границы «фордов». Одни были темного, солидного цвета; другие, затейливо окрашенные, желто-зеленые, звались у ленинградцев в те годы «канарейками».

Официально Рымко числился заведующим гаражом таксомоторного парка Отдела коммунального хозяйства; на самом же деле он ис-

полнял все необходимые и на первых порах не существовавшие должности, даже бухгалтера и инкассатора. Шоферы приезжали в конце дня и всю свою выручку высыпали ему на стол; он складывал деньги в старый кожаный портфель и рано утром шел сдавать деньги в банк. Он требовал организовать строгий учет, но ему и без учета верили. Молодые кассиры в банке улыбались при встрече с ним и шутили:

— Не сбежите, вас весь город знает!

Адольфа Рымко действительно знали в городе. Знали по газетным и журнальным фотографиям: не кто-нибудь — абсолютный чемпион СССР по мотоспорту! На Всесоюзной Спартакиаде 18 августа 1928 года на дистанции 300 километров он побил сразу три рекорда для мотоциклов всех классов.

Увлечение мотоциклом началось в двадцать третьем году, когда он сам собрал свою первую машину «энфельд». Этот громоздкий мотоцикл гремел и дымил немилосердно, но и на нем молодой гонщик ухитрялся показывать неплохие результаты. Главным же недостатком своего «железного коня» Рымко считал необыкновенную прожорливость: «энфельд» требовал более частых заправок, чем другие машины, и на это — на дальних дистанциях — уходило много дорогого гоночного времени.

Ленинград в те годы держал по мотоспорту первое место в стране. И когда были получены три английских мотоцикла «чатер-ли», автотоклуб решил отдать их лучшим гонщикам города: Павлу Петровичу Воротилкину, Георгию Марковичу Бойкову и Адольфу Августовичу Рымко. На этой новой машине Рымко показал свои наивысшие достижения, которые вошли в историю советского спорта.

Были кубки, грамоты, спортивные медали с маленькой золотой фигуркой мотоциклиста. Были серьезные испытания мужества и воли на трудных трассах страны. В июне 1936 года проходили междугородные гонки Ленинград—Киев. Две команды выехали навстречу друг другу — от берегов Невы и берегов Днепра. Предстояло пройти без отдыха 1200 километров.

Низко пригнувшись к рулю, Адольф Рымко несся по лесному шоссе. Деревья стали редеть, и поляны сменились лоскутами пригородных огородов. Совершенно неожиданно с проселка на шоссе выехала подвода. Лошадь остановилась, попятилась и вдруг встала на дыбы, загородив шоссе. Рымко резко рванул руль вправо; мотоцикл сорвался с кромки, запрыгал на ухабах и сбросил седока.

Рымко поднялся. Из рваной раны на ноге хлестала кровь. И все-таки, перевязавшись, он снова пустился в путь. И в Киеве финишировал третьим.

Обратно ехали поездом. Рымко лежал на полке: на ногу невозможно было ступить. В Ленинграде его положили в больницу.

Были в его жизни и еще события, требующие полной отдачи сил. Однажды в гараже ленинградского почтамта, где работал Рымко, воспламенился железный ящик, доверху набитый промасленной ветошью. Пламя поднялось до потолка, осветив заправленные бензином машины и канистры с горючим. Рымко сорвал большой брезент и закрыл пламя.

Если бы этот его поступок кто-то назвал подвигом, Адольф Августович удивился бы.

Каждый раз, приходя к Адольфу Августовичу, я видел на его столе, рядом с барельефом Владимира Ильича Ленина, множество конвертов, надписанных аккуратными детскими почерками.

— Пишут мне ребята, спрашивают, просят рассказать. И это хорошо, что спрашивают. Мы ведь тоже учились жить не у самих себя... Нам было у кого учиться...

* * *

Мимо Красного Бора, Мги, мимо Тосно и Любани мчится электропоезд. На его груди сверкают золотистые буквы «Володя Ульянов».

... Чистота здесь как на военном корабле. В кабине машиниста электропоезда пионерский вымпел, рапорты юных ленинцев и дневник члена Совета дружины 29-й Саблинской школы Оли Михайловой. Это рассказ о рождении необычного электропоезда.

Запись первая.

«Все-таки хорошо, что наша школа стоит прямо у железной дороги. Если смотреть из окна, кажется, будто сидишь не за партой, а в поезде дальнего следования...

Мы любим всем классом встречать и провожать электрички.

А что если и нам собрать металлолом на электропоезд? Я, кажется, подумала об этом вслух, а может быть, эти слова произнес кто-то другой.

Волновалась, когда на торжественной линейке читала Обращение ко всем пионерам Тосненского района:

«Мы, комсомольцы, пионеры, все ученики железнодорожной школы № 29, обращаемся ко всем школьникам Тосненского района с призывом: собрать металлолом на строительство электропоезда «Володя Ульянов».

Запись вторая.

«Теперь вместе с нами собирают металлолом Рябовская, Тосненская, Ивановская, Машинская, Новолисинская школы. Никто не хочет отставать. Наша Саблинская впереди».

Запись третья.

«Наконец-то долгожданная телеграмма из министерства путей сообщения. Ура! Есть волшебники. И они

нам помогут! На рижском вагоностроительном заводе будет построен электропоезд серии ЭР-2 «Володя Ульянов». Его припишут к депо Ленинград-Московская пассажирской Октябрьской железной дороги.

... Самым лучшим днем, наверно, можно назвать тот, когда сбываются разом все твои желания.

Для нас такой день наступил.

Мы первые пассажиры электропоезда «Володя Ульянов»! Большой веселый праздник. Спасибо рижанам-вагоностроителям!

Торжественный первый рейс. На каждой остановке нас встречают дружным «Ура!», нам улыбаются.

Алешка Птицын промолгасно утверждает, что новенькая сверкающая ручка на дверях сделана из той старой батареи, которую они с Тимкой притащили из кочегарки. Мы с ним не стали спорить».

Еще запись.

«Мы уже очень привыкли к нему как к самому близкому другу. И «Володя Ульянов», пробега мимо школы, «здоровается» с нами протяжным гудком.

... Наш класс собрался поехать в Ленинград и дожидался нашего поезда на платформе. Электричка подошла точно по расписанию. Но ее запыленные в пути окна, казалось, глядели на нас с укором. Ведь мы договорились, что наша электричка будет самой нарядной, самой чистой на всей Октябрьской железной дороге.

Итак, за дело! Уже во Мге стекла были натерты до блеска, вымыты и скамейки. И мы успели рассказать машинисту электропоезда о наших отметках и делах».

... Электропоезд «Володя Ульянов» мчится вперед.

Л. Кролевецкая

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

Ни с чем не сравнить ту радость, которую приносит авторам песня, заслужившая признание у людей. Я всегда буду помнить, как пели песню о Безымянной высоте тысячи людей, собравшихся неподалеку от города Бетлица на том самом месте, где установлен памятник шестнадцати сибирякам. Памятник был задержан белым покрывалом, под которым угадывались чьи-то головы, плечи, руки, и казалось, что там скрывается не бронзовый монумент, а ожидающие, чтобы их открыли, живые люди. Право открыть памятник было предоставлено двум бывшим солдатам Герасиму Лапину и Константину Власову, чудом уцелевшим в том ожесточенном бою. Они, уже седые и пожилые люди, подошли к памятнику и сдернули завесу, увидев на пьедестале себя молодыми, в военной форме, в плащпалатках, с автоматами в руках, такими, какими они были в ту пору, когда шло сражение за эти края. А вокруг них лежала земля, за которую погибали их товарищи, земля, еще и сегодня усеянная осколками так щедро, что на ней должен был бы вырасти и подняться особый железный лес. И тогда все находившиеся на высоте Безымянной запели нашу песню. У меня

перехватило дыхание в эту минуту. Я стоял и слушал этот импровизированный хор и думал о том, какие мы обязаны найти слова, какая должна быть написана к ним музыка, чтобы по достоинству был воспет подвиг воина, поднявшего на свои плечи всю невыносимую тяжесть Великой Отечественной войны.

Это — о песнях, что же касается стихов, то мне хотелось бы сказать вот о чем: это ощущение хорошо знакомо каждому путнику, попавшему в предгорье, — горы стоят на горизонте в несколько рядов, как на полотнах Рериха. Первый ряд — совсем близко, на переднем плане, различимый с такой отчетливостью, как будто вы рассматриваете его сквозь налаженный по вашим глазам, многократно увеличивающий полевой бинокль. Видна каждая травинка, трещинка в сухой земле, каждый камень. За этой грядой менее ясно, но все-таки в пределах видимости теснятся второй ряд гор, за ним едва выступает, заставляя вас сомневаться — не облака ли это, не дым ли, — третья гряда, а дальше вы уже не видите, но чувствуете, что там непременно должны быть еще и еще горы. То же самое ощущение мучает меня, когда речь заходит о по-

эзии. Мне кажется она такой же многоплановой, огромной, порой совсем близкой и все-таки такой же недостижимой. Когда у меня в издательстве „Художественной литературы“ в нынешнем году вышел сборник стихотворений, написанных в разное время, я понял, как безнадежно далеки те высоты, которые, казалось, совсем рядом, на расстоянии одного перехода. С годами начинаешь понимать это сильнее и трезво оцениваешь все, что тебе удалось и не удалось сделать.

Поэтому я долго думал, какое из стихотворений можно предложить вниманию читателей «Костра», и решил остановиться на стихотворении «Мальчишкам». не потому, что я считаю его лучше других, а потому, что в нем, написанном еще до войны, я старался передать ту тревогу, то предгрозовое настроение, которым жили мы, еще ничего не испытывавшие, не лежавшие под огнем, не выходившие из окружения, не хоронившие своих друзей, не дышавшие запахом сгоревшего человеческого жилья. Может быть, именно поэтому Павел Григорьевич Антокольский во время войны припомнил стихи о мальчишках в своей книге статей «Испытание временем» и, припомнив их, заметил:

«Это писал в 1939 году молодой поэт Михаил Матусовский. Писал, едва выйдя сам из мальчишеского возраста. Сегодня он на фронте. На фронте и те мальчишки, ставшие юношами, к которым он тогда обращался. Лицом к лицу с роботами, натренированными для уничтожения живых. Встретились два

мира, разные во всех своих внешних проявлениях и в последней глубине». На эти неровные юношеские строки лег ответ времени. Вот почему я хотел бы, чтобы сегодняшний молодой читатель познакомился с ними, несмотря на то, что написаны они более трех десятков лет назад.

Мих. Матусовский.

МАЛЬЧИКАМ

Пусть достанутся мальчикам самые лучшие книги —
Описания неба, строений и горных пород,
Трудовых инструментов — от камня до первой мотыги,
Незнакомых народов и климатов разных широт.

Мы об этом и сами когда-то ревниво мечтали, —
Пусть на стол им положат усталых моторов сердца,
Механизмы часов и машин потайные детали,
И они их сломают, но смогут узнать до конца.

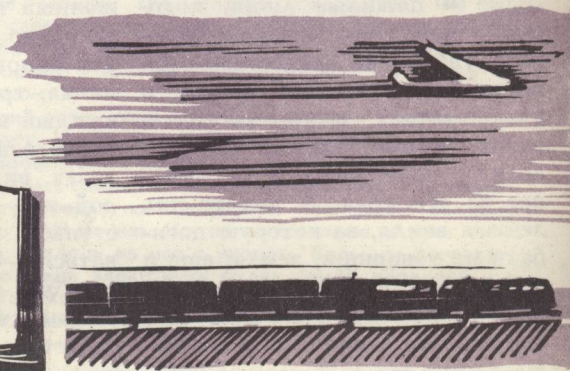
Дважды два — не четыре и дважды четыре — не восемь.
Мир еще не устроен, как это ему надлежит.
Бьют железом о камень. И воздух грозный несносен.
И война, как чума, по Европе еще пробежит.

Пусть достанется мальчикам столик с чертежным прибором,
Шкаф для верхнего платья и этот особый уют,
Создаваемый жесткими полками в поезде скором
И летящими шторами узких военных кают.

Пусть достанутся мальчикам двери, открытые настежь,
Одинокие звезды, зажженные нами во мгле,
И мечта о нелегком, никем не разведанном счастье
На еще неуютной, еще предрабсветной земле.

1939

Рисунки В. Бендингера

ОПЕРАЦИЯ „ЧУКОТКА“

ПОВЕСТЬ

Юрий Рытхэу

Рисунки А. Овсянникова

6.

Воздух стал жестким и резким. По утрам железная крыша новой школы блестела серебром. Камни и стены, обращенные в северную сторону, покрывались инеем. Пронзительный ранний луч тянулся между горных посевших вершин на древнюю косу, где вытянулись дома Тэпкэна.

Возвращались геологические партии. Усталые, обросшие бородами, в порванной одежде, геологи медленно брели под тяжестью рюкзаков и ящиков с образцами к домикам геологической экспедиции.

Днем и ночью топились баня, и мыльная речка не иссякала, прорыв русло в дернистой почве.

Все люди были заняты осенними хлопотами, во всем чувствовалась светлая грусть прощания с ярким, но очень коротким летом.

Темными ночами работал маяк, и светлый луч крутился, высвечивая дома, мачты радиостанции, железную крышу новой школы, широкие окна косторезной мастерской.

Покормив и проводив на работу мужа, Галина Михайловна отправилась в косторезную мастерскую.

Миша собрался вместе с ней.

— Чукотское и эскимосское искусство резьбы по моржовой кости раньше заменяло все — книгу, и скульптуру, и художество, — рассказывала по дороге мама. — Рисунки на клыке — это как бы рассказы, легенды, волшебные сказки, романы и повести, написанные своеобразным языком. Это не картинное письмо, а совсем другое, гораздо более сложное, более богатое, чем пиктография... Пиктография — значит картинное письмо...

Улица в Тэпкэне длинная. Она начинается у подножия горы, на которой стоит маяк, и про-

Продолжение. См. «Костер» № 3, 1971 г.

должается далеко на восток до последних домов. Самые примечательные постройки — большой учительский дом, двухэтажная школа, клуб, магазин и косторезная мастерская. В мастерской большие окна, обращенные в южную сторону, на лагуну.

Миша с мамой входят в мастерскую и оказываются в большой комнате, заставленной длинными столами, за которыми сидят мастера. На столах — инструменты, укреплены тисочки, моторчики. У многих мастеров — настоящие бормашины. Они жужжат, но сверлят не зубы, а моржовый клык.

Мама здоровается с мастерами.

Самые почтенные художники сидят за отдельными столами. Они кивают Галине Михайловне и Мише, словно он тоже взрослый.

У стены стоит большой шкаф — витрина, выложенная черным бархатом. В нем хранятся лучшие произведения тэпкэнских косторезов. Среди них изделия уже умерших мастеров, непревзойденные образцы, по которым учатся молодые косторезы.

Мама подводит сына к шкафу и рассказывает:

— Вот эти фигурки не имеют авторов. Они найдены при раскопках и возраст их более трех тысяч лет. Узнаешь зверей?

Перед Мишей были пожелтевшие изображения почти всех животных Чукотки — моржи, лахтаки, белые медведи, нерпы, песцы...

— А вот эти разрисованные клыки заменяли чукчам и эскимосам книги, — мама открыла стеклянную дверцу шкафа и осторожно вынула большой клык, расписанный с обеих сторон картинками. — Вот смотри: на одной стороне изображен старый Тэпкэн. Яранги, стойки для байдар...

Один из стариков-косторезов поднялся со своего места и подошел.

— Этот клык я резал, — сказал он.

— Миша, познакомься с мастером Вуквутатом, — сказала мама, и Миша подал руку.

— Этот домик, — Вуквутат поставил палец на клык, — был лавкой американского купца, а потом здесь был первый Ревком. А тут была моя яранга...

Миша разглядел тщательно выписанное древнее чукотское жилище. Стены сбиты из досок и обложены дерном. На крыше — моржовые кожи, аккуратно сложенные, чтобы не протекала дождевая вода. Вся крыша опутана толстыми ремнями из моржовой кожи, чтобы ветер не унес ее, а к концам ремней привязаны большие круглые камни. Эти камни рядами опоясывают ярангу, как бусинки. Возле яранги стоит мальчишка.

Вуквутат показал на него:

— Это я. Школы тогда не было в нашем селении. Грамоте я потом учился. В ликбезе.

Вуквутат перевернул клык, и Миша увидел современный Тэпкэн. Правда, кое-каких домов еще не хватало. Иногда ровный ряд деревянных зданий прерывался ярангами, а на месте двухэтажной школы на холмике стояла большая яранга.

— Это новый Тэпкэн. Сегодня и он уже не новый, а старый, — сказал Вуквутат.

Мама осторожно положила клык в шкаф.

Миша заинтересовался отлично выполненной моделью парусной шхуны. Каждая деталь была тщательно выточена, паруса наполнены ветром, и корабль казался плывущим по черным волнам бархатного моря. На капитанском мостике стоял человечек с большим носом и смотрел вперед.

— Это «Мод», — пояснил Вуквутат, заметив взгляд Миши. — Много лет назад, в 1918 году, недалеко от Колючинской губы зимовал великий путешественник Амундсен. Его корабль назывался «Мод», в честь норвежской королевы. Амундсен много поездил по нашей земле, разговаривал со стариками, расспрашивал, как проехать в южные моря. Я тогда был совсем молодой, но тоже ездил на корабль и даже поднимался на палубу. С тех пор и запомнил корабль... А потом, когда стал работать по кости, решил вспомнить его. Вот и стоит он на память о том далеком времени... Иногда уплывает на выставку, в Магадан, Анадырь, Хабаровск, Москву, в Ленинград... Побывал в иностранных государствах. Наверное, на всех материках. Поездил больше меня, — вздохнул Вуквутат.

Недалеко от «Мод» на особых подставках стояли модели байдар и вельботов с полным снаряжением.

— А вот наши байдары и вельботы, — продолжал рассказывать Вуквутат. — Эта, большая, совсем древняя байдара. Видишь — мотора нет, одни весла и посередине — мачта для паруса. На таких байдарках ходили на моржей и китов, проплывали там, где никакой ледокол не мог пройти...

— И по льдам? — удивился Миша.

— По льдам тоже, — кивнул Вуквутат. — Ставили байдару на лед и тащили, как нарту. Хорошо, легко скользила она, потому что киль был подбит китовым усом...

Миша вспомнил остов деревянной байдары возле дома Аникая. Андрейка утверждал, что для байдарного остова не требуется ни одного гвоздя — одни лишь лахтачьи ремни и шипы. Что-то вроде этого слышал Миша и от мамы... А, вспомнил — про старинную русскую церковь в Кижях на Онежском озере! Та церковь, мама говорила, тоже была выстроена без единого гвоздя... Во были мастера!

От байдар и вельботов перешли к осмотру отдельных фигурок.

Но Миша все возвращался к первому расписному клыку, внимательно разглядывал рисунки, поражаясь точности деталей. Художник изобразил каждого жителя Тэпкэна за его излюбленным делом, и на всей длинной улице не было ни одной праздной фигуры!

Под пристальным Мишиным взглядом эти фигурки словно бы оживали, начинали двигаться...

Мастера работали, точили моржовую кость, рубили плоскими рубилами пластины, осторожно гравировали рисунки, шлифовали готовые изделия.

На каждом столе особый мир, отличный от другого, несмотря на то что все люди работали над одним материалом — моржовым клыком.

Мама произнесла тихим голосом:

— Это настоящее искусство, это свой неповторимый мир...

Вуквутат вернулся к столу.

Миша подошел и тихо спросил:

— Можно я просто посмотрю?

— Конечно, можно, — ответил Вуквутат. —

Молча будешь смотреть или с разговором?

— Если можно — молча.

Вуквутат кивнул. Похоже, что ему понравилось, что Миша будет молча наблюдать за его работой.

В руках костореза была грубая заготовка фигурки бегущего оленя. Толстые ноги, словно у ломовой лошади, грубая голова, неопределенное туловище. Вуквутат брал один за другим напильнички, точил, полировал, сдувал толстыми губами белую пыль.

Прежде всего Вуквутат сделал оленью голову. Мастер относился как к живому к спрятанному в глубине моржовой кости оленю. А живому прежде всего надо иметь свободной голову, чтобы дышать широкими ноздрями, смотреть на мир большими глазами.

Заскорузлые пальцы Вуквутата, похожие на древесные подсохшие корневища, ласкали оленью голову, а Миша вспоминал стадо в стойбище Клея, больших красивых животных, мягко и гордо шагающих по широкой тундре, по пружинящей моховой подстилке.

И когда оленья голова, пусть еще безрогая, проклюнулась на белый свет, Миша сделал долго сдерживаемый глубокий выдох, а Вуквутат уважительно посмотрел на мальчика и сказал:

— Понимаешь!

Миша готов был целый день стоять у стола Вуквутата, но маме пора было домой.

По дороге завернули еще в мастерскую, где шили меховую одежду на зиму. Мама померила торбаза и ахнула от изумления. Таких Миша не видел ни у кого даже на Невском проспекте! Белый мех по краю был покрыт орнаментом из коричневых лоскутков. И вроде все было очень просто, но в то же время так красиво, что не шло ни в какое сравнение с сапожками из замши.

Пока шли домой, мама продолжала речь, начатую в косторезной мастерской:

— Как бы тебе это объяснить... Искусство их, быть может, еще примитивизм, но это отражение непосредственного восприятия...

— Мама, — взмолился Миша, — я ничего не понимаю!

— Прости, Мишенька! — спохватилась мама. — Я уже начинаю тебе пересказывать свою будущую статью... Так вот о косторезах... Откуда все это возникло? Как рождается художник? Может быть, все это присуще человеку с самого начала, с той поры, как он начал чувствовать себя человеком?

— Наверное, так, — солидно сказал Миша. — Как я себя помню, я всегда рисовал. Даже когда мне хотелось что-нибудь другое делать, побегать, посмотреть телевизор, бабушка давала альбом, цветные карандаши и говорила: «Порисуй, Мишенька!» Наверное, так было и здесь. Мальчик стал рисовать, а потом вырос, привык тихим делом заниматься...

— Что ты говоришь, Миша! — возмутилась мама.

Миша прикусил язык. Что-то в нем самом происходит. Может быть, начинается тот самый переходный возраст, о котором шептались мама с бабушкой? Хорошо ли, что он у него начинается здесь, на Чукотке? Честно говоря, Миша с мамой так никогда раньше не разговаривал. Или молча слушал, или, если чего-то не понимал, вежливо спрашивал... Наверное, все-таки начался этот самый переходный возраст...

Раздеваясь дома, Миша сунул руку в карман и нащупал что-то твердое и теплое.

Это была костяная собачка, такая живая, что хотелось ее гладить. Сначала Миша с испугом подумал, что нечаянно взял со стола в мастерской.

— Мама, — Миша показал ей собачку, — откуда это у меня?

— Это тебе Вуквутат на счастье положил в карман, — ответила мама.

— Вроде амулета? — спросил Миша.

— Это как бы знак дружбы, — ответила мама, — напоминание о добре, о готовности оказать помощь. Может быть, в давние времена, пока не появились шаманы, амулет и означал символ чего-то возвышенного. Мать давала напоминание о себе сыну, невеста жениху, жена мужу... Ведь в здешней жизни люди часто разлучались. Охотники надолго уходили во льды, а летом отправлялись на байдарках в море. И часто близкие не знали, свидятся ли они еще или расстанутся навеки. И хотелось всегда иметь при себе что-то такое, что напоминало бы всегда о близких и родных, о любимых...

Миша держал собачку. Кость была теплая, словно собачка была живая. Еле видимые прожилки казались приглаженной шерстью, в ней прятались озорные собачьи глазки.

— Знаешь, мама, — сказал Миша. — Ведь наш папа тоже очень часто уезжает надолго. Давай дадим ему этот амулетик, будто мы вместе с ним, а?

Мама прижала Мишину голову к себе...

Вечером пришел папа, и Миша вручил ему собачку.

— Это тебе амулет, чтобы ты нас всегда помнил в отлучке! — строго сказал Миша.

И отец положил собачку в глубокий нагрудный карман кожаной куртки.

7.

Одно дело — волны мелководного Финского залива или морская буря в кино, и совсем другое — стоять вот так прямо перед высоченной стеной воды, которая, шипя, пенясь, обламы-

ваясь и закручиваясь на верхушке, движется на пологий берег, закипает, блестит, как полированная, и со всего размаху кидается на гальку.

Миша и Андрейка стояли на безопасном расстоянии, но все же волны докатывались до них, слизывая остатки угольной кучи, которую вчера поспешно перетащили на другое место.

Наступал темный, холодный, пронизанный сыростью вечер. Луч маяка бродил по бушующему морю, перекидывался на Дальний мыс, бил по оконным стеклам, убегал в тундру, высвечивая на мгновение корпуса зверофермы, и возвращался на свое место, к прожектору.

В такую погоду никто не осмеливается выходить в море. Только изредка можно увидеть на горизонте дым запоздалого корабля. Для таких судов и светит Тэпкэнский маяк.

До начала школьных занятий оставалось несколько дней. Вместе с геологами прилетели школьники и поселились в длинном здании интерната.

Аникай-старший рассказывал, что это самое первое деревянное здание, построенное как помещение для Ревкома.

Старый Ревком хорошо подготовился к приезду учеников. Длинный коридор блестел свежей краской, вместо кирпичных печей под окнами встали батареи центрального отопления.

В комнатах — аккуратно застеленные кровати ждали ребят.

В Ленинград — это Миша помнил — зима приходила постепенно. Долго длилась осень, дожди сменялись ясными, но бесснежными днями, росла тревога — вот придет Новый год, а снега все нет... Здесь же снег придет не сегодня-завтра, и уж к Новому-то году его будет более чем достаточно.

— Наверное, послезавтра полетят осенние молодые утки, — сказал Андрейка.

И, хотя люди были очень заняты, нет-нет кто-нибудь останавливался и долго смотрел на пасмурный морской горизонт. Далеко-далеко белела полоска льда. Она ждала своего часа, своего ветра, своего течения. Все корабли идут мимо, а пройдет неделя-другая — и с моря не придется ждать новых людей, новых вестей...

Ушло лето. Такое прекрасное, короткое, что люди даже не успели соскучиться по зиме.

Так и говорил Андрейка:

— Ну вот, опять эта зима.

Наверное, действительно, здесь, на Чукотке, лето — самый дорогой праздник.

Волны накатывались на берег, и вдоль всей линии наката лежали выброшенные волнами морские звезды, ракушки, рачки вместе с панцирями, медузы, обломки дерева, пустые жестянки из-под консервов, среди которых попадалось много американских. Миша хватал жестянки и старался прочитать, что на них написано. Незнакомые буквы будили воображение и рисовали картины кораблекрушений.

— Какие кораблекрушения! — отмахивался Андрейка. — Америка ведь рядом. Там тоже едят консервы и выбрасывают пустые жестянки...

Мишино воображение тут же заработало по новому направлению.

Он представил себе, как на другом берегу по гальке бредут два мальчика. Один местный житель, эскимосский мальчишка, а другой приехал откуда-нибудь из Сан-Франциско, или Лос-Анжелеса, или из самого Нью-Йорка... А может быть, даже из Далласа, где убили президента Кеннеди... Они тоже подбирают пустые консервные банки и пытаются прочесть: «молоко сгущенное», «абрикосовый компот»... И мальчик из Сан-Франциско обращается к местному эскимосскому мальчику...

— Нет, там такого нет, — задумчиво проговорил Андрейка, с прищуром вглядываясь в бушующее море, туда, где, скрытый тяжелыми тучами, находился американский берег. — Там эскимосский мальчик живет в своем селении и учится в особой школе. И к нему не ездят из Сан-Франциско друзья. Ведь там — капитализм...

— Капитализм — это верно, — согласился Миша, — но там есть дети рабочих и крестьян. Вот к нам в Ленинград приезжали летом ребята из Англии. Такие, как мы, только английский на пятерку знают. Встреча у нас была во Дворце пионеров...

— Хорошо? — перебил Андрейка.

— Что хорошо? — переспросил Миша.

— Дворец! — сказал Андрейка. — Вот приедет к нам мальчик-эскимос с Аляски, куда мы его позовем? Дворца-то у нас нет.

Мише вдруг стало как-то неловко, словно он лично был виноват в том, что в Ленинграде есть Дворец пионеров, а здесь нет. Он попытался сгладить это и сказал:

— Эскимосский мальчик не приедет — империалисты его не пустят. А мальчик из Сан-Франциско не знает с ним, потому что у них расизм...

Андрейка повернул к Мише круглое лицо и вдруг очень серьезным голосом сказал:

— Все-таки, что это такое — расизм? А? Иногда долго думаю — не могу понять. И потом, мне кажется, это нечеловеческое, поэтому не понимаю.

— Я тоже не понимаю, — кивнул Миша. — Я понимаю, когда не любят жадных людей, воров, хвастунов, воров, но как можно не любить человека только за то, что у него другой цвет кожи?

Ветер рвал водяную пыль с вершушек высоких волн и кидал на ребят. Удары волн сотрясали землю, но Тэпкэн цепко держался за этот клочок земли, даже дома казались пригнувшимися под ветром.

Миша поглядел в сторону поселка и вдруг сказал:

— А Дворец здесь будет, я думаю. Построят. Я даже уверен.

— Я тоже уверен, — согласился Андрейка, — только очень хочется быстрее. Чтобы самому успеть туда войти. Я не знаю, что буду там делать, но вот так просто войти в Чукотский Дворец пионеров очень хочется.

— Мечтатель! — сказал Миша. — Не патриот ты, а мечтатель!

— Пусть и мечтатель тоже, — согласился Андрейка. — Но сначала я — патриот.

В грохоте волн слышался гул вертолета. Ребята бросились на другую сторону косы, на берег лагуны, где находилась вертолетная площадка.

— Степка летит! — крикнул на бегу Андрейка. — Тоже патриот!

— Какой Степка? — спросил Миша.

— Оленный человек, — ответил Андрейка. — Помнишь, в тундре?

Вертолет уже завис над площадкой, упругий ветер от широких лопастей разбрасывал в стороны мусор, гальку. Колеса казались черными закругленными когтями чудной птицы. Вот они коснулись досок вертолетной площадки, вцепились, и тотчас лопасти опали и замедлили вращение.

Встречающие стояли поодаль. Даже собаки понимали, что подходить к вертолету опасно, поэтому терпеливо ожидали, пока лопасти замрут и откроется дверца.

Первым действительно показался Степа.

Он совершенно не походил на того мальчика, которого помнил Миша по тундровому путешествию. Степка был в синей нейлоновой куртке, брюках и ботинках. Мало того, вся его одежда была новенькая, недавно купленная.

Степа подошел к ребятам и протянул руку.

— Здравствуй!

— Здравствуй, Степа, — сказал Андрейка и заговорил по-чукотски.

Степа ответил, и ребята чему-то засмеялись.

Миша почувствовал горькую обиду и отошел в сторону. Он сделал шаг, другой и быстро побегал к дому. Через сени с большим ящиком, в котором хранился запас угля, он прошел в комнату.

Папа сидел за письменным столом и, как обычно, писал. Мама тоже что-то писала.

— Что ты так рано, Миша? — спросила мама, не поднимая головы от стола.

Она работала над статьей об искусстве резьбы по моржовой кости и иногда засиживалась далеко за полночь, как и папа, который приводил в порядок результаты летних экспедиций.

Миша вдруг почувствовал себя заброшенным, с острой тоской вспомнил Ленинград, Невский проспект, ровные линии Васильевско-

го острова, Неву, пляж у Петропавловской крепости, даже сейчас, в конце августа, покрытый загорающими. Он вспомнил друзей по школе, запах только что отремонтированных классов, свежепокрашенные парты, на которых с трудом можно было разглядеть прошлогодние записи, царапины, рисунки.

Видимо, мама что-то почувствовала. Она подняла голову, пристально поглядела на сына.

— Обидел кто?

— Давай вернемся в Ленинград! — сказал Миша, и голос у него дрогнул.

Теперь и отец оторвался от своих бумаг.

— Что случилось?

Миша замотал головой. Не мог же он сказать, что обиделся на то, как дружески и горячо встретились Степа и Андрейка.

— Очень захотелось в Ленинград, — тихо ответил Миша и вдруг, к стыду своему, почувствовал, как по левой стороне носа покатилась горячая слезинка, чуть задержалась у ноздри и упала на верхнюю губу. Миша быстро ее слизнул и отвернулся.

Папа привлек Мишу, усадил рядом на диван.

— Я тебя понимаю и сочувствую... У нашего кочевого брата время от времени это бывает, и ничего в этом постыдного нет. По-научному это называется ностальгия, что значит тоска по родине... Вдруг задумаешься и с отчетливостью вспомнишь какую-нибудь мелочь, мимо которой проходил, не замечая ее... Какая-нибудь старая чугунная тумба у ворот старого ленинградского дома, даже утреннее воркованье голубей во дворе... Это хорошо, сынок, ты ведь живой человек. Но любит свою родину не тот, кто уцепился за нее, а тот, кто что-то делает для нее...

— А что я могу сделать здесь для Ленинграда? — всхлипнул Миша.

— Ну, брат! — развел руками папа. — Ты приехал, можно сказать, из самого замечательного города в мире, города-героя, города Октябрьской революции, да тут перечислять и дня не хватит! А ты слюни распустил — что делать...

Папин голос стал другим.

— Ну, допустим, уговоришь ты нас, уедем обратно в Ленинград. Может, даже объясним домашним — вот так случилось, не выдержал Миша. Но в глазах тех, кто останется здесь, ты уронишь — нет, не свою честь... Твоя честь — твое личное дело. А ты уронишь честь своего города. И честь патриота.

Миша вздрогнул и вдруг сказал:

— А Андрейка говорит, что он патриот.

Послышался стук в дверь, и в комнату вошли Андрейка и Степа.

Степа держал в руках какой-то сверток.

Ребята долго шаркали подошвами о старый мешок у двери.

— Проходите, проходите, — пригласила мама.

— Мы принесли подарок Мише, — объявил Андрейка.

— Это что еще за подарок? — папа взял из Степиных рук сверток.

Это был искусно сшитый малахай из мягкого пыжика, отороченный настоящим коричневым росомашьим мехом.

— Какая прелесть! — воскликнула мама.

— По какому случаю подарок? — спросил Виктор Павлович.

— Мама и папа сказали — отвези ленинградскому мальчику малахай, чтобы зимой он не мерз и мог с тобой играть на улице, — объяснил Степа.

— Что же, — сказал Виктор Павлович и поглядел на Мишу. — Примем подарок? Тем более, тебе скоро ехать в Ленинград. Будет что показать.

— Ну, папа! — взмолился Миша.

— Хорошо, не буду, — поднял обе руки папа и подсказал: — А теперь приглашай гостей за стол.

Мама уже хлопотала на кухне, Андрейка и Степа уселись на диван.

Миша примерил малахай. Он оказался как раз впору. Вошла мама, сдернула малахай с Мишиной головы и надела на свою. Красуясь перед зеркалом, она громко позвала:

— Витя! Витенька! Иди погляди — какая прелесть!

И странно — мужской малахай, который но-

сят каюры и оленеводы, удивительно шел женщине.

— Вам сделаем другой! — поспешно пообещал Степа.

Миша забрал малахай и снова надел на голову. Он так и ходил по комнате, пока не сели за стол и Виктор Павлович не сказал:

— Ну, брат, а за столом головной убор надо снимать...

Андрейка и Степа старались вести себя за столом чинно, но Галина Михайловна настаивала столько лакомств, что трудно было удержаться.

— Андрей, — сказал Виктор Павлович, — ходят упорные слухи, что ты патриот. Верно ли это?

Андрейка поперхнулся и покраснел.

— Его так называет учитель географии, — сказал Степа. — Учитель всю страну объездил. Как отпуск — так отправляется в путешествие. Был в горах Кавказа и Памира, в Средней Азии, в Карелии, на Украине, на Кольском полуострове. Учит он нас не по учебнику, а собственными словами...

— А сам-то он откуда родом? — спросил Виктор Павлович.

— Наш земляк, из Тэпкэна, — ответил Андрейка. — Но учитель нахваливал другие земли: там пшеница растет, и рожь, и ячмень, и персики, и хлопок, деревья разные, теплые моря омывают берега. Сначала все было очень интересно. А потом обидно стало. Неужели на-

ша земля самая плохая? Так и спросил я учителя. Он даже запнулся от такого вопроса.

— Это точно, — опять вмешался Степа. — Остановился учитель, посмотрел на Андрейку и как скажет: ну и патриот! Тут Андрейка и завелся. Говорит: надо еще посмотреть, что за люди живут на этих землях! Там дикари и диктаторы! Несмотря на бананы и ананасы... Сначала испугались, что двойку влепит учитель за срыв урока, но ничего, дослушал Андрейку до конца и еще раз сказал, что он — патриот. Сначала мы дразнили его этим словом, а потом видим, не обижается — и перестали дразнить.

Виктор Павлович встал, подошел к Андрейке и положил руки на его плечи.

— Молодец, брат! Слышал, Миша? Главное на земле — все-таки люди, которые на ней живут!

До позднего вечера сидели ребята в гостях. Они бы остались ночевать, но вдруг Степа вскочил, как ужаленный, и срывающимся голосом сказал:

— У нас давно отбой! Вот попадет мне! Пришлось всем провожать его до интерната. Сырой ветер подхватил полы плащей и пальто.

Андрейка глянул в сторону моря и остановился: оно светилось. А когда луч маяка лег на пологие спины высоких волн, оказалось, что все море уже покрыто битым льдом.

Зима пришла в Тэпкэн.

8.

Все началось сразу — и пурга, и занятия в школе, и охота на нерпу на льду Берингова пролива.

И все же главное дело было в школе, и тэпкэнские ученики относились к учению так же серьезно и основательно, как вообще ко всякому делу.

Степа-олeneвод был отличником. При этом совершенно не походил на зубрилу. Стоило кому-нибудь замешкаться у доски, а учителю только посмотреть на Степу, как он спокойным голосом разъяснял непонятное.

Однажды утром местное радио объявило, что занятия для младших классов отменяются.

Миша посмотрел в окно, но ничего не увидел. Ветер сотрясал домик, и железная задвижка на печной трубе жалобно звенела.

— Пурга, — сказал папа и позвонил в контору экспедиции.

Миша позавтракал вместе с отцом, аккуратно сложил учебники в портфель.

— Ты куда? — спросила мама.

— Как куда? — удивился Миша. — В школу.

— Но ты же слышал объявление.

— Это для младших классов, — ответил Миша. — А я — ученик старшего, пятого класса.

— Но это же безумие — идти ребенку в такую пургу! — мама посмотрела на папу.

— Ничего, вместе пойдем, — сказал папа.

Едва они выбрались из дома, как ветер накинудся на них, и, если бы папа не держал его крепко за руку, отнесло бы Мишу на северную сторону дома, где ветер изо всех сил вколачивал снег в щели и пытался выдавить оконные стекла. Захватило дух, вдруг исчез воющий, бушующий воздух, а потом хлынул в широко раскрытый рот, заставив поперхнуться и закашляться.

Вспомнилась теплая комната, красные угли в плите, уютная лампа под зеленым абажуром. Потом появилось ощущение беспомощности. Миша крепко вцепился в отцову руку, и ему уже не хотелось испытывать себя, выставять храброем.

Сквозь разрывы в снежной круговерти воз-

никали стены домов, скаты крыш или вдруг мелькал редкий прохожий, прячущий лицо в капюшон или в высоко поднятый воротник.

Папа что-то кричал, но слова, едва вылетев из рта, уносились ветром. Тогда он прокричал Мише в самое ухо:

— Вот она, твоя школа!

Миша глянул себе под ноги и увидел чьи-то следы. Полузанесенные снегом, они вели к школьному крыльцу, к двери, которая едва различалась в пурге.

Папа помог открыть дверь, и Миша ввалился в заснеженный коридор. Школьный истопник держал наготове метелку и кусок оленьего рога — выбивалку. Передав Мишу на попечение истопника, Виктор Павлович с трудом распахнул дверь и исчез в снежной пелене.

Миша снял пальто, выбил из него снег, очистил валенки и прошел в гимнастический зал. Окна были занесены снегом, и поэтому горел электрический свет: словно ты пришел не на уроки, а на какой-нибудь вечер.

Школа понемногу заполнялась ребятами, и необычность дня подчеркивалась отсутствием шумных малышей.

Прозвенел приглушенный звонок. Ребята уселись за парты.

Миша посмотрел на окна. Они странно светились, хотя были совершенно засыпаны снегом.

Учительница неслышно вошла в класс. Она была в меховых торбазах и в теплой пушистой кофточке.

На дом были заданы упражнения на логику, и к доске первым пошел Степа. По русскому он был первый ученик, учительница всегда ставила его в пример.

Миша сидел рядом с Андрейкой.

Был уговор, они оба дали твердое обещание учителям — не разговаривать на уроках. Это было трудное испытание, и порой оба жалели о том, что сели рядом. Уж лучше находиться подальше друг от друга и не испытывать каждый раз мучительное желание поделиться новостями.

Андрейка посмотрел на учительницу. Она сидела полуоборотившись к доске и следила за объяснениями Степы. Но всем известно, что Зоя Герасимовна могла видеть спиной!

Тогда Андрейка написал прямо в тетради: «Я нашел то, что надо!»

Миша краем глаза прочитал.

... Несколько дней назад Миша с Андрейкой вышли на морской лед. Для Миши это была первая прогулка по торосам. Едва они ступили на лед, как на память пришли страницы прочитанных книг, описания путешествий Семена Дежнева, Георгия Седова и других великих покорителей Севера.

Миша расправил плечи, прищурил глаза и

устремил взгляд на далекие торосы. Он хотел сделать широкий и уверенный шаг, но тут же споткнулся о предательский роopak и растянулся на снегу.

— По морскому льду идешь — смотри под ноги, — наставительно сказал Андрейка.

Со всех сторон торчали льдины. Они были разноцветные — голубые, синие, словно облитые чернилами, серые и совершенно белые, почти неотличимые от снежного покрова.

Андрейка остановился, дождал отставшего Мишу, ножиком отколол от торчащего ледяного обломка кусочек и положил в рот.

— Ты чего? — удивился Миша. — Он же соленый!

— Хочешь попробовать? — вместо ответа спросил Андрейка.

Миша осторожно положил льдинку на язык. Она была совершенно пресной, словно отколотой от замерзшей струи водопада, где брали лед для питьевой воды!

— Как же так? — спросил Миша. — Ведь море-то соленое.

— Море соленое, — кивнул Андрейка, — но лед бывает пресный. Морозом выжимает соль.

— Весь лед такой?

— Нет. Только отдельные льдины — вот, — Андрейка подступил к другому торчащему ро-паку и отколол еще один кусок льда. — А этот лед соленый.

— А как ты отличаешь?

— Очень просто. По цвету, — ответил Андрейка.

Но главное, из-за чего ребята вышли на морской лед, — это найти ледяную пещеру.

— Мы каждую зиму так делаем, — объяснил другу Андрейка. — Принесем в пещеру свечи, пустые мешки, чтобы не холодно сидеть, и готова наша пещера.

— А что вы там делаете? — спросил Миша.

— Читаем книги, разговариваем... Мечтаем, — не сразу ответил Андрейка.

Но в этот день ребята так и не нашли ледяной пещеры.

Они возвращались при лунном свете.

Впереди маячила фигура охотника. Догнали его. Это оказался Сотгыткы. Он устало волочил убитую нерпу.

— Давайте мы вам поможем, — сказал Миша.

Сотгыткы скинул с себя ременную упряжь, обсосал заиндевелые усы.

— У меня только одна лямка.

— А мы по очереди, — сказал Андрейка.

— Дай мне! — умоляюще сказал Миша. — Я же ни разу нерпу не волочил!

— Ладно, — согласился Андрейка и помог Мише надеть на себя ременную упряжь.

Селение было уже близко, яркие электрические огни освещали улицы. Нерпа поначалу

показалась невесомой и сама катилась по снегу. Но морской лед — это не каток. Надо лавировать между торосами и ропаками. Минут через десять Миша почувствовал, что нерпа довольно тяжела.

А тут еще Андрейка и Сотгыткы увлеклись разговором и ушли вперед. Миша незаметно для себя убавил шаг. Когда торосы скрывали его, он останавливался на секунду, поправлял упряжь и переводил дыхание.

Когда Миша уже был готов сесть прямо на лед, Андрейка обернулся, подбежал:

— Ну, а теперь дай мне!

Миша безо всякого сожаления расстался с ременной упряжью и пошел налегке рядом с другом, который с таким удовольствием тащил нерпу, словно это была игра.

Миновали границу земли и моря, перешли гряду прибрежных торосов и зашагали по улице селения. Вот тут-то Миша и понял хитрость Андрейки. Все прохожие останавливались и с одобрительной улыбкой смотрели на него.

По следу нерпы увязались собаки, и к домику Сотгыткы подошли в сопровождении целой стаи псов.

Жена Сотгыткы уже стояла у крыльца с ковшиком воды.

Андрейка отцепил ремень и подтащил нерпу.

Женщина слегка наклонила ковшик и полила нерпичью голову.

— Что она делает? — шепотом спросил Миша.

— Это такой обычай, — тихо ответил Андрейка. — Нерпа ведь из соленой воды, ей хочется пресной водицы попить...

— Она же мертвая!

— Так это обычай, — отмахнулся Андрейка.

А Сотгыткы тем временем сам отпил из ковшика и протянул его Андрейке.

Андрейка сделал глоток и подал ковшик Мише.

— Отпей и оставь на донышке, — шепотом скомандовал он.

С каким-то невольным страхом Миша отпил воды и вернул ковш Сотгыткы, который сильным движением выплеснул остаток влаги в сторону моря.

— Отдает нерпа, приходи в гости, — сказал Сотгыткы.

Но в гости идти не пришлось, потому что надо было готовить уроки. Поздно вечером в квартиру постучался сам Сотгыткы и принес нерпичью печенку. Мама пыталась заплатить за нее, но Сотгыткы наотрез отказался:

— Мишка помогал мне.

Ох и вкусна же была нерпичья печенка!

— Андрей и Миша! — слышался над ухом голос учительницы. — Перестаньте переписываться!

И все-то она видит и знает! Просто удивительно! Вот и сейчас. Как она могла догадаться, что Андрейка с Мишей переписываются, а не списывают написанное на доске? Хорошо, хоть не подошла близко.

Едва дождавшись перемены, Миша тут же кинулся с расспросами.

— Пещера большая, как комната, — рассказывал Андрейка. — Высокий потолок и пол ровный, можно даже стол поставить.

— Вот это здорово! — не удержался Миша.

— Тсс!

— Да я никому, честное пионерское! — сказал Миша. — А как ты нашел?

— Еще когда мы шли с Сотгыткы и тащили нерпу, я заметил напротив мыса айсберг. Но ведь редко айсберг бывает с пещерой. Надо было проверить.

— И ты ходил один? — с укором сказал Миша.

— Тебе ведь каждый раз надо отпрашиваться дома, — напомнил Андрейка.

— Отпросился бы! — уверенно заявил Миша.

9.

Ледяная пещера находилась на траверзе маяка, чуть в стороне от проложенных по льду троп. От поселка до нее было километров пять по торосам, через высокую гряду, на которую приходилось карабкаться ползком.

Пещера была великолепная. Айсберг невысокий, но углубление, вырытое теплыми водами, уходило вглубь и величиной было с комнату в малогабаритной квартире.

Когда Миша протиснулся через узкий лаз и выпрямился посреди ледяной комнаты, он не выдержал и сказал:

— Ух ты!

Андрейка засветил фонарик. Луч заплескал по ледяным стенам, украшенным сколами, полочками, нишами, и по ровному ледяному полу, на котором можно было на коньках кататься.

Степка включил приемник.

— Вэтгавыркин Анадырь! — загремело в ледяной пещере.

Миша знал, что эти слова значат: «Говорит Анадырь!»

— Здесь у нас будет Дворец пионеров! —

объявил Степка и осторожно поставил приемник на ледяной выступ.

Шла музыкальная передача. Диктор рассказывал о духовом оркестре. Ледяная пещера наполнилась звуками марша.

Под музыку ребята продолжали обследовать пещеру.

— Надо принести свечи, — деловито говорил Андрейка. — Не будем же освещаться фонариком.

— А так лучше, — заметил Миша, — электрический свет в ледяной пещере. Красота!

— Сразу видно — с материка, — презрительно сказал Степка. — Да ты знаешь, как туго на Чукотке с батарейками? У каждого транзистор, электрический фонарик. Соображать надо!

Степка часто бывал резок, но ребята не обращали на это внимания, потому что он отличался справедливостью и практичностью.

Андрейка достал блокнот, сделанный из обыкновенной школьной тетради, разрезанной пополам, и принялся записывать:

— Свечи, старые мешки, чайник, сухой спирт, таганок... — перечислял он вслух.

Список оказался внушительный, как у настоящей дрейфующей экспедиции.

Свечи достать было нетрудно. Также и старые мешки. Таганок собственноручно смастерил в совхозной механической мастерской Степка, который учился слесарному делу, а чайник приволок Андрейка. Сухой спирт раздобыть оказалось не так просто. Он был только на складе геологической экспедиции.

Однажды вечером Миша решился и прямо сказал отцу:

— Мне нужен сухой спирт.

— Зачем он тебе понадобился? — заинтересовался отец.

— Не мне, — замылся Миша, — мы собираемся... И Степка, и Андрейка...

— Ну раз надо — почему не дать? — неожиданно пришла на помощь мама.

— Нам не для баловства, — заявил Миша, обрадованный неожиданной поддержкой.

— А сказать не хочешь — для чего? — спросил папа.

Миша опустил глаза.

— Секрет?

Миша кивнул молча.

— Ну хорошо, — сказал папа.

Он дал пять больших таблеток. Отдавая их, Виктор Павлович пристально смотрел сыну в глаза, а Миша в это время думал о том, что в ледяной пещере вполне можно было обойтись и без чая, а уж если бы очень захотелось, можно принести в термосе.

Вообще чай занимал большое место в жизни тэпкэнцев. Кто бы ни пришел в дом к Виктору Павловичу, его прежде всего сажали за стол и угощали чаем. Мама быстро выучила чукотское слово «чайпауркин» и произносила его самыми разными интонациями.

Андрейка воткнул свечи в ледяные щели, разостлал мешки на полу, приладил железный таганок, чтобы чайник стоял крепко.

Прямо со стены наколоди в чайник льда и поставили на таганок. Таблетки сухого спирта загорелись синим пламенем. Потрескивали свечи, воткнутые в ледяные подсвечники, а тут еще Степка включил свой транзистор.

Миша уселся на посланный мешок и огляделся: хорошо в пещере!

Ночной снегопад каждый раз заносил тропку к ледяной пещере, и ребятам казалось, что никто, кроме них троих, не знает о ее существовании.

10.

Пограничная застава недалеко от Тэпкэна. Над снегами стоит наблюдательная вышка с часовым. Но главные посты не здесь.

Одетые в белые маскировочные балахоны, пограничники бдительно несут охрану государственной границы Советского Союза. Порой их невозможно отличить от охотников. Но охотник в белой камлейке такой же пограничник. Поэтому все, что происходит на участке, находящемся под наблюдением Тэпкэнской заставы, видят множество незаметных глаз, и любой подозрительный человек, любое подозрительное передвижение людей на морском льду тотчас становится известным начальнику пограничной заставы Федору Николаевичу Пантелееву.

— Пещера оборудована свечами, таганком с запасом сухого спирта и книгами, — докладывал смуглолицый пограничник-казак.

— Вы что же — входили внутрь? — недовольно спросил начальник заставы.

— Никак нет! — ответил пограничник. — Но знаем. И если будет приказ — проникнем!

— Ни в коем случае! — строго сказал начальник заставы.

Он отпустил солдата и набрал телефонный номер.

— Виктор Павлович! Добрый день. Зайдите вечером ко мне на заставу.

Начальник заставы пригласил также Аника-старшего и начальника полярной станции.

Вечером приглашенные собрались на заставе, в кабинете начальника. И он рассказал им о ледяной пещере.

— В этом году пещера выбрана близко от условной пограничной полосы, — сказал Федор Николаевич, — но мне бы не хотелось из-за этого прерывать ребячью игру. Собрал я вас, чтобы вы знали, где проводят ребята свое время.

Начальник полярной станции спросил:

— А меня-то зачем вызвали?

— Я хотел спросить вас, какая ледовая обстановка в том районе, где находится ледяная пещера?

— Участок берегового припая прочно спаян с материком и не подвержен ни торошению, ни каким другим влияниям дрейфующего льда.

Виктор Павлович вернулся домой в противоречивых чувствах. С одной стороны, нехорошо отнимать у Миши такую интересную игру, но с другой — стал бы начальник погранзаставы собирать родителей, да еще вызывать начальника полярной станции из-за пустяков... Правда, Аника-старший сказал: «Очень хорошо, что ребята во льдах! Пусть привыкают!»

А Миша мирно спал на своей кровати.

Он вытянулся, и на лице появилось другое выражение. Небось видит во сне свою ледяную пещеру.

— Что ты так на него смотришь? — спросила неслышно подошедшая Галина Михайловна.

— Да ничего... Смотрю, как он вырос и возмужал...

— Что-нибудь случилось?

— Ничего.

— А все-таки... На границе беспокойно?

— На границе спокойно, — устало ответил Виктор Павлович. — Значит, и ты должна быть спокойна.

Утром Виктор Павлович не удержался и спросил:

— Сегодня опять вместе будете делать уроки?

— Да, папа, — ответил Миша и посмотрел прямо в глаза отцу.

Виктору Павловичу стало неловко.

— Мы вместе готовим только устные уроки, а письменные буду делать дома, — сказал Миша.

«Ну, да,—подумал Виктор Павлович.— Делать письменные уроки в ледяной пещере невозможно: чернила замерзнут».

— А есть такие электрические батареи, которые не боятся мороза? — спросил Миша.

— Слышал, что есть такие, но не видел, — ответил Виктор Павлович.

Дни стояли удивительно ясные. Солнце уже не показывалось из-за горизонта.

Миша шагал в школу, и над его головой сияли огромные чистые звезды. Полярного сияния по утрам не бывало, зато луна светила ярко.

Заря долго будет разгораться, словно сырая головешка в костре, будет перемещаться по краю неба от моря к горе, от горы к противоположному берегу лагуны, оттуда за дальние хребты — заря, так и не ставшая днем, превратившаяся сразу из утренней в вечернюю.

Каждый раз Миша восхищался необыкновенным небом. Ведь в городе звезды совсем не видны. Даже луну затмевает свет городского электрического освещения.

Здесь и не напасть лампочек на каждую пургу. В сильную пургу все равно никто не

ходит по улице, все стараются сидеть дома, а в хорошую погоду электрический свет был бы только помехой мерцанию звезд, разноцветным сполохам полярного сияния и лунному свету.

Снег громкий, звонкий. И все звуки в такое утро звонкие, чистые. Далеко тарахтит двигатель поселковой электростанции. Урчит, не хочет просыпаться вездеход — ему целый день бегать по снежным дорогам — то на полярную станцию, то на звероферму, то в соседнее селение... А может, укатит в тундру, в оленеводческое хозяйство, к родителям Степки-оленевода.

Степка похвалялся, что к нему скоро придут родители и привезут разные тундровые лакомства.

Школу так и не стали откапывать после первой пурги. Директор сказал: так теплее. Только окна очистили от снега, сделали к ним вроде бы тоннели, чтобы в классы пробивался слабый свет полярного зимнего дня.

Мороз силен. Дым от печей неподвижно торчит над домами.

Миша распахнул широкую дверь школы и окунулся в шумное тепло.

Над морским льдом дышится легко и приятно, и воздух здесь пахнет свежестью молодого, только что образовавшегося льда.

За припайной чертой, километрах в двух от ледяной пещеры, ледяные поля все время движутся, размыкаются, образуя разводья, смыкаются, нагромождая торосистые гряды.

А здесь — тишина. Потрескивают свечи, ворчит радиоприемник, который через час-полтора замирает, поддавшись холоду.

Но в ледяной пещере не так холодно. Здесь можно сидеть часами, можно даже спать!

Пламя свечей и горящего синего пламени сухого спирта нагревает внутренность пещеры. Здесь уютно, тепло и спокойно, несмотря на то что под толстым ледяным полом океанская вода, холодная, наполненная непроницаемым мраком, в котором плавают рыбы, нерпы и другие животные, способные выжить в студеной воде.

Порой, прислушавшись, можно было услышать еле ощутимый глухой гул, идущий даже не из-под льда, а словно бы откуда-то из самых глубин земли. Иногда ледяной пол вздрагивал, и пламя в свечах подпрыгивало.

В такие мгновения даже Андрейка и Степа, ребята, выросшие здесь, замолкали и чутко прислушивались.

Степка отложил роман Вальтера Скотта «Айвенго» и пожаловался:

— Не могу читать.

— Пошли на улицу! — предложил Андрейка.

Был час, когда возвращались охотники.

Они шли при свете луны и полярного сияния, потом входили в тень прибрежных скал.

— У меня есть идея! — вдруг прозвучал голос Степки.

Он взобрался на небольшой торос.

— Мы живем в ледяной пещере как настоящие тунейдцы.

— Ну, ты! — прикрикнул на него Андрейка.

— Мы сидим в ледяной норе и читаем книжки, слушаем радио и никому пользы нет, — продолжал Степка.

Андрейке не понравилось, что Степка начал критиковать пещерную жизнь. Он сказал слова, которые бродили у самого Андрейки в голове.

— Предлагаю операцию... Операцию «Чукотка»! — выкрикнул Степка. — Мы будем передовым отрядом помощников. Здесь штаб. Отсюда должны мы следить за возвращающимися охотниками и высылать на помощь человека... Установим наблюдательный пост, доставим бинокль.

Идея была замечательная. Андрейка был огорчен, что она пришла в голову не ему, но с большим рвением принялся сооружать наблюдательный пост на вершине айсберга.

Подтащили пластины тонкого льда, подняли наверх и соорудили укрытие. В этом укрытии можно было сидеть, не опасаясь пронизывающего ветра. И вид открывался во все стороны отличный.

— Бинокль бы! — мечтательно произнес Андрейка.

— У меня есть! — вспомнил Миша. — Подзорная труба у меня есть.

Как он мог позабыть про бабушкин подарок!

В тот же вечер Миша извлек картонную коробку и достал подзорную трубу.

— Зачем тебе труба? — спросила мама.

— Ну мало ли зачем мальчику труба! — вступился папа. — Может, они хотят наблюдать звезды.

Мише в голову не приходило, что в подзорную трубу можно разглядывать звезды. Хотя эта труба даже видом своим напоминала галилееву трубу, которую Миша видел в какой-то книге. А ведь в такую трубу Галилей открыл лунные горы. Надо будет на небо поглядеть.

Первое дежурство взял на себя Андрейка. Миша и Степка должны были сидеть в пещере и готовить чай.

Едва слышно сипел радиоприемник. Шумел чайник на таганке. Приготовление кипятка занимало очень много времени. Сначала надо было нагреть воду из льда, а потом часа два ждать, пока она закипит.

Миша дочитывал страницу из книги Хейердала «Путешествие на „Кон-Тики“», когда у входа появился Андрейка.

— На горизонте охотник! Миша, пойдешь на помощь!

Сначала Миша поднялся на наблюдательный пост. В подзорную трубу был хорошо виден охотник. Он волочил убитую нерпу. Известно только, кто он.

Миша сказал об этом Андрейке.

— Ну, чего захотел! — ответил тот. — В такую стекляшку и в двух шагах не узнаешь человека.

— Это подзорная труба, а не стекляшка, — обиженно заметил Миша.

— Надо было достать настоящий полевой бинокль, — сказал Андрейка.

— Вот ты и достань, — огрызнулся Миша.

— Ладно, — примирительно сказал Андрейка. — Беги к охотнику.

Миша зашагал через торосы. Спустившись с айсберга, он тут же потерял из виду охотника и пришлось сразу же карабкаться на высокий торос, чтобы снова увидеть его и запомнить направление.

Миша обходил высокие ропаки, переползал через торосистые гряды, падал, поднимался и

тихо про себя ругал валенки, которые то и дело застревали между льдин. Несколько раз Миша выдергивал ногу в одном носке, а потом выручал валенок. Он быстро устал и, когда захотел удостовериться в правильности пути и взобрался на торос, к ужасу своему обнаружил, что охотника нет. К счастью, Миша тут же сообразил, что ведь охотник-то на месте не стоял, а двигался к берегу. Напрягши зрение, Миша нашел охотника и двинулся к нему.

Потом Миша решил посмотреть назад, на свой айсберг. Он поднялся на торос: кругом было такое однообразие, что найти айсберг не было никакой возможности. Ледяной хаос производил унылое впечатление. Страх шевельнулся в душе у Миши, он поспешно скатился с тороса и заторопился к охотнику, который уже входил в тень прибрежных скал.

Теперь охотник остановился и словно бы поджидал Мишу. А мальчик уже еле передвигал ноги, падал и подолгу лежал, чтобы отдышаться.

Когда Миша подошел к охотнику Аймету, спокойно покуривавшему на пологой льдине, ноги едва держали его.

— Ты что тут делаешь? — удивленно спросил Аймет. — Ты — Миша, Виктора Павловича сын? Заблудился, что ли?

— Операция... — едва выговорил Миша.

— Заболел кто?

— Все здоровы, — переводя дух, ответил Миша, — операция «Чукотка»...

— Ничего не понимаю, — встревоженно произнес Аймет. — У кого операция?

— Помогаем охотникам, — выговорил Миша. — Пионерская помощь.

— Пионерская помощь, — повторил Аймет. — Вот что, помощь, берись за буксирный ремень и пошли к берегу.

— Дядя Аймет, — взмолился Миша, — дайте мне нерпу потащить. Я на помощь к вам пришел.

— Я еще не устал, — ответил Аймет. — Это ты устал. Гляди, язык скоро потеряешь. Иди рядышком.

— Дядя Аймет, — взмолился Миша, — я не могу так идти. Это поручение.

Аймет сбавил шаг, потом остановился.

Постояв в раздумье, он сказал:

— Ну, раз поручение, сделаем так: немного передохни, спокойно пошагай рядом, а потом я тебе уступлю ремень.

Когда дома уже были совсем рядом, Аймет остановился и уступил Мише буксирный ремень.

Навстречу уже бежали поселковые собаки. Напротив магазина Аймет взял круто влево, и Миша повернул за ним.

— Ну тут можно уже и мне впрягаться, — сказал Аймет.

— Разрешите дотащить нерпу до дома, — попросил Миша. — А то нехорошо получится — до конца дело не довел.

Аймет озадаченно поглядел на настырного помощника и махнул рукой:

— Ладно уж, тащи до конца!

Встречные уважительно посматривали на Мишу, здоровались и спрашивали Аймета:

— Каково на море?

— Хорошо, — отвечал Аймет, — нынче много выныривало, да вот только одну удалось подстрелить.

Миша прошел мимо своего дома, завернул на главную улицу поселка и вдруг услышал сзади:

— Ты куда, Миша?

Это была мама.

Она догнала сына, с удивлением оглядела празднично шагающего рядом Аймета и спросила:

— Что это значит?

— Ну, мама, позволь мне дотащить нерпу.

— А куда ты ее тащишь?

— К Аймету.

— А он что — не может?

— Он устал, а мы помогаем охотникам.

Мише было стыдно и неловко. Да и народ стал собираться.

— А где остальные ребята? — продолжала допытываться мама.

— Они во льдах.

— Однако мне надо домой, — сказал Аймет и принялся снимать с Миши ременную упряжь.

Миша покорно дал снять с себя ремень.

— Спасибо тебе за помощь, — поблагодарил Аймет. — Хорошее вы дело затеяли — помогать охотникам. Молодец! И ребятам другим передай мое большое спасибо.

Аймет говорил громко, и его слова больше предназначались Галине Михайловне, чем самому Мише.

— И вам большое спасибо, — продолжал Аймет, обращаясь к ней, — хороший сын у вас растет. Настоящий пионер.

Аймет зашагал к своему дому.

Галина Михайловна растерянно посмотрела ему вслед и пробормотала:

— Ничего не понимаю.

Миша рассердился на маму. Он молча шел вслед за ней и от стыда не поднимал голову, ему казалось, что даже собаки на улице насмеялись над ним.

Папа оказался дома, и мама тут же бросилась к нему рассказывать:

— Смотрю — мой Миша тащит убитую нерпу, как заправский охотник, а рядом идет Ай-

мет и курит. Спрашиваю — что такое, Аймет что-то толкует, а Миша молчит...

Мама размотала платок, сняла пальто, усе-лась за стол, на котором были разложены фо-тографии косторезных изделий, и повернулась к Мише:

— Может быть, ты, наконец, расскажешь своим родителям, что происходит с тобой?

Миша посмотрел на потолок, потом в окно, затаенное по краям толстым слоем льда. Про-шел Андрейка. Он тоже тащил чью-то нерпу.

Через некоторое время прошагал и Степа-оле-невод.

— Знаешь, я совсем забыл тебе что-то ска-зать, — папа поманил маму в другую комнату.

Мама недовольно поднялась и последовала за ним.

О чем они там говорили, Миша так и не узнал. Только мама вышла оттуда какая-то другая. В глазах ее теперь виднелась тревога. Но она больше не расспрашивала Мишу о его делах.

Окончание следует

ПОЧТА **КОСТЯ** ТЕРКИНА

«Наш поселок назвали По-бедино сразу после войны. В войну его захватили японцы... Когда наши войска освобож-дали Сахалин, поселок освобо-дили первым. Соседние посел-ки носят имена солдат-героев».

Люба Титова,
остров Сахалин, поселок
Победино, улица Извест-
ковая, 22

КОСтя ТЕРкин:

— С интересом прочел твое письмо. Следопытам полезно знать историю своих родных мест!

«У нас переизбирали звенье-вых. Но мое звено решило ос-тавить меня в звеньевых...»

Надя Овсянникова,
Кировская область
город Зуевка,

ул. Клarry Цеткин, 38

КОСтя ТЕРкин:

— Твое звено, наверное, хо-рошо работает. Очень рад это-му. Соберитесь-ка вместе и расскажите нам, что вы де-лаете.

«Я переписываюсь с двумя девочками из Германской Демократической Республики. У нас в семье все ждут писем от моих друзей. Нередко, когда писем нет, мама очень волнуется...»

Оля Панченко,
город Челябинск-112,
ул. Пионерская, 3, кв 24

КОСтя ТЕРкин:

— Если переписка содержа-тельная, то не может обо-рваться: ведь ты знаешь немец-кий язык, можешь рассказы-вать своим подругам о себе, о своем городе, своей школе.

«Папа купил мне щенка. На-звала его Мухтар. Пробовала срисовать, но ничего не вышло: все вертелся».

Таня Булатова,
город Пермь-36,
ул. Дениса Давыдова,
33, кв. 5

КОСтя ТЕРкин:

— Придется тебе заняться воспитанием Мухтара. Возьми в библиотеке книжку «Как дрессировать щенка» и — дей-ствуй.

«Наш 7 «б» класс идет по маршруту «Солидарность». Мы начали переписку с ребятами из города Ульяновска. Пятна-дцать человек из нашего клас-са написали домой «Костер». Костя, приезжай к нам на сбор!

Надя Могучева,
Брянская область,
Брасовский район,
село Глоднево

КОСтя ТЕРкин:

— Спасибо за приглашение. Постараюсь приехать!

«Летом я ездил в Уфу. А только теперь нарисовал доро-

гу, которая мне запомнилась и приилась по душе. Я изобра-зил ее как мог. Синее небо над дорогой, нефтяные вышки справа... Рисунок сначала хотел назвать «По дороге в Уфу», а потом передумал и на-звал «Родная Башкирия».

Тагир Ишкильдинов,
Башкирская АССР,
Кугарчинский район,
село Исимово

КОСтя ТЕРкин:

— Вот человек рассеянный! Где же рисунок? Забыл вло-жить в конверт.

«Мы ходили с концертом са-модеятельности в детский са-дик. Создали кукольный театр, делали игрушки для малышей. И все-таки мы хотели бы при-думать еще что-нибудь зани-мательное для октябрат, но у нас нет фантазии...»

Наташа Мещерякова,
город Пенза, ул. Кулибина,
10-а, кв. 67

КОСтя ТЕРкин:

— Вам поможет Галя Сте-панова. Вот что она пишет: «Мне нравится быть вожатой в первом классе. Ребята такие веселые и дружные! А глав-ное — все приходят на сбор! Напишите Гале, ее адрес:

Эстонская ССР,
город Тюри,
ул. Кааре, 30, кв. 2.

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

Ты рисуешь все, что видишь вокруг. Свою школу, свою речку, свой дворик, свою сестренку. Рисунков у тебя собирается много. Некоторые нравятся твоим товарищам, твоей маме...

А что скажут художники? Например, те, кто работает в «Костре»?

В этом номере с юными художниками беседует член редколлегии «Костра», народный художник РСФСР Алексей Федорович Пахомов. Вы все, конечно, знаете его рисунки к книгам А. Гайдара, Л. Пантелеева, С. Маршак, С. Михалкова.

Алексей Федорович отобрал пять рисунков. О рисунке «Мой брат» Сергея Семяшкина из Коми АССР Алексей Федорович говорит:

— Это хорошо! Чувствуется настоящее наблюдение. В улыбке есть что-то, свойственное только маленькому мальчику. Юный рисовальщик зорко уловил это... Внимательно сделаны глаза, нос...

Сергею обязательно надо продолжать рисовать с натуры.

Мы показали Алексею Федоровичу три ученические тетради, на обложке которых красками выведено «Кролик». Этот школьный рукописный журнал издают узбекские ребята. Большинство рисунков в «Кролике» — работа сестер Аллы и Зои Файзи.

— Хорошая выдумка — издавать такой журнал! — обрадовался Алексей Федорович. И отметил удачный рисунок «Девочка в классе».

— Заметно, что Алла рисовала знакомую девочку. Естественная поза: девочка, разговаривая с ребятами, оперлась рукой о стол, вытянула шею... Если можно так сказать, это спина конкретного человека, а не просто спина. Художнику приходится больше всего бояться приблизительности, если он серьезно относится к своему занятию.

— «Кролик» — интересный журнал, — подытоживает Алексей Федорович. — Работа в таком журнале может научить критически оценивать свое творчество. Это очень важно. Способность эту следует неутомимо совершенствовать в себе!

Сам художник Пахомов всегда внимателен к деталям того, что изображает. Его рисунки достоверны. «И не бывает так, чтобы Алексей Федорович лицо нарисовал потщательнее, а руки, платье — как-нибудь, это уж, мол, неважно. Нет, для него важно все. И руки так же выразительны на рисунках Пахомова, как и лица. Они всегда связаны с человеком, они его собственные, а не случайные, не чужие...» (Так работу Пахомова определил однажды известный советский художник В. М. Конашевич).

Менее удачен, чем остальные, рисунок «Портрет моей мамы». Решили его в журнале не печатать. Алексей Федорович обратил внимание на недостаток, часто встречающийся и в других работах: грубо нарисованы деревья.

— Почему так невнимательно отнесся человек к деревьям? — удивился Алексей Федорович. — Надо внимательнейшим образом рассмотреть дерево: как идет ствол, как ветви изогнуты... Ведь дерево не палка, не метелка, воткнутая в землю. Дерево живое, оно растет. Вот и рассмотрите его, как человека.

«В старом саду». Рисунок Лены П.

— Сочные краски. Могу сказать, видит натуру, когда рисует с натуры. Это уже много!

«Работа в колхозе». Рисунок Лили Валиулиной из г. Елабуга Татарской АССР.

— Меня иногда спрашивают, что рисовать? Советую рисовать все, что нравится: окружающие предметы, товарищей.

Видно, Лилиа и сама работала на сенокосе. Знает людей, которые трудились там: все одеты по-разному, разные по характеру, по виду. Яркие краски рисунка приятны глазу. Много интересных подробностей быта. Хочется рассматривать позы людей. Люди живые...

Алексей Федорович заканчивает беседу о рисунке словами Л. Толстого «...деревенская жизнь — «родник впечатлений поэтических».

Записала Л. Пожидаева

НАБАТ

РАССКАЗ

Семен Ласкин

Рисунки В. Бескаравайного

Возчик попался молчаливый, и Семашко больше не обращался к нему. Да что толку, «да — нет», вот и весь разговор.

Он спустил ноги с телеги и стал безразлично наблюдать, как поднимается по колесу грязь, а затем с громким чмоканьем падает в дорожную жижу. Эти жидкие шлепки нарушали многочасовой однообразный топот лошадиных копыт.

Коренник, рыжий могучий мерин, тот, что шел в оглоблях, легко выдирает ноги из грязи, высоко поднимал их над землей, будто бы гарцевал по этой ужасной, размытой дождями, скользкой глине. Маленькая пегая пристяжная трусила рядом, покачивала головой, старалась все время поглядеть назад своим добрым человеческим глазом. «Скорее бы на место, — думал Семашко. — Чайку выпить, согреться... Да и Аннушка утомилась...»

Он откинулся назад. Аннушка сидела спиной к нему, покачивалась вместе с телегой. Соломы вокруг нее было полно, до самых плеч, так что Семашко видел не Аннушку, а только ее шляпку с широкими полями, белые нежные локоны и румяную щеку. «Ребенок совсем, — подумал он, — как с таким фельдшером работать?»

— Устали?

Она тяжело вздохнула.

— Сколько же нам осталось до Новой Александрии? — обратился Семашко к вознице.

— Недалече.

Дорога пошла ровнее, суглинок сменился песчаником, со взгорка стал виден деревянный мост.

— Говорили, от моста — рукой подать, — сказал Семашко. Он понял, что девушка не верит ему, и весело спросил: — Чай-то заваривать умеете?

— Умею.

— Вот и отлично. Закажем самовар, а чай — ваше дело.

Семашко упал в солому спиной, прищурился. Качнулось небо. Белое облачко понеслось за телегой вприпрыжку, запрыгало от толчков.

Часы доставать не хотелось, но и так было понятно: теперь около трех, время не раннее. Пока выгрузят вещи да разберутся — за вечереет. Придется больных только завтра принимать.

Он улыбнулся, нащупал в кармане диплом. Врачи! Все-таки врач, черт побери! Десять лет потребовалось ему, чтобы университет кончить...

Задумался, перебирая в уме все, что с ним было:

рассказать бы Аннушке — не поверила. И исключения, и аресты, и ссылка на три года «за революционную деятельность», и постоянный надзор полиции.

«Доброе утро, господин бывший студент. Как спали?» «Вашими молитвами, господин пристав».

Потом короткое время учебы и опять исключение всего за несколько недель до диплома.

Нет, ни о чем не жалел он сейчас.

Да и как можно иначе? Спрятаться, скрыться за спины товарищей? Но ведь он, а не кто-то другой писал листовку к рабочим и студентам — «Пусть каждый, кто не пойдет на демонстрацию, вспомнит слова Надсона: «Где ты был, когда в бой мы бестрепетно шли, зову чести и долга послушные?»

Он повторил мысленно слова поэта, вздохнул.

— Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя, вспомни ты, нагаечка, восьмое февраля!..

Он внезапно запел песню, причмокивая губами «чка» в конце слова, и этот звук вызвал в его памяти топот копыт, свист казачьих нагаек над головами людей, сгрудившихся вокруг знамени, а потом пьяный крик есаула во дворе полицейского дома, куда загнали отрубленную казаками «голову» студенческой демонстрации. «Зачинщик?! Кто зачинщик?! Ты? Опять ты?!»

Он мысленно сжался, чувствуя удар на своей спине. «Нагаечка, нагаечка, нагаечка моя...»

Высоко в небе зацвиркала пичужка, затрезвонила, и коренник запрядал ушами, видно, почуял жилье. Николай Александрович присел на телеге, поглядел вперед — мост был близко. У его подножья стояла избенка, курилась тонким белым дымком.

Лошади побежали быстрее. Возница взбодрился, стал пошевеливать вожжами, покрикивать.

Вышел на крыльцо офицер без шинели, сказал что-то в дверь, приложил козырьком руку, пытаясь разглядеть, кто приближается.

— Сто-ой! — Откуда-то выскочил солдатик, вскинул ружье. — Нельзя дальше.

Возница откинулся назад, натянул вожжи. Семашко соскочил с телеги, протянул документы.

— Ах, вы доктор, — уважительно сказал офицер. — Очень сожалею, но я не могу пропустить подводу в Александрию. Там чума. И мы ждем дополнительного приказа, чтобы сжечь деревню.

Семашко невольно оглянулся и увидел, как сходит румянец с лица Аннушки.

— Чума?

— Увы, доктор.

— Но согласитесь, поручик, я как врач обязан быть именно там.

— Возможно, — уклончиво сказал офицер. — Вы, если хотите... Но здесь дама, и потом возница... Их я имею право не пускать.

— Но дама — фельдшер. Она должна быть со мной. Офицер прищурился, поглядел на Аннушку и снова повернулся к Семашко.

— Прошу вас, доктор, говорить только от своего имени. Ваш помощник, полагаю, может решить, где ей лучше находиться: в чумной деревне или...

Офицер щелкнул каблуками, склонил голову.

Наступило молчание. Семашко покусывал губы. Пусть решит. Он-то думал, что у медика нет выбора...

— Я не хочу туда, — как-то странно забормотала она. — Не пойду. Я боюсь, Николай Александрович... Вы не сердитесь, но я боюсь...

— Вот и прекрасно! — сказал офицер. — А ты, братец? — спросил он у возницы. — Подкинешь доктора до села?

Возница зло поглядел на Семашко, дернул вожжи. Лошади подались назад и начали разворачиваться.

— Видите, как все несложно, — развеселился поручик.

Семашко подошел к подводе, снял чемоданы, осторожно, боясь ударить, извлек из соломы микроскоп, поставил его под деревом. Потом вынул деньги и отсчитал вознице.

— Здесь все, — сказал он. — Как договорились. До Новой Александрии.

— Я бы довез, — мрачно сказал возница, — да у меня, барин, семь душ, кормить надо.

Он поднялся и что есть сил стеганул лошадей.

— Мне придется несколько раз прийти сюда за вещами. Надеюсь, мой бывший фельдшер последит... — Он старался не встречаться с Аннушкой взглядом.

— Можете не волноваться, — любезно сказал поручик. — Я дам вам солдата, только отпустите его около деревни. Я не имею права рисковать людьми.

Он повернулся к Аннушке.

— А вы мудро, клянусь, очень мудро поступили. И не жалейте. Вот уж если и жалеть кого, так доктора.

Новая Александрия встретила Семашко угрюмой тишиной. Он остановился у первой избы, заглянул во двор. Ставни закрыты, есть люди, нет — не поймешь. Хоть бы петух закукарекал или овца заблеяла: ни души.

Даже извы на обочине дороги, по-осеннему желто-зеленые, с бессильно опущенными до земли ветвями, показались ему в этот миг печальными свидетелями большой беды.

Семашко вздохнул. Не хорошо было на сердце, тягостно. Коренастый солдат переминался с ноги на ногу, не решался уйти, оставить доктора.

— Идите, — сказал Семашко. — Дальше я сам донесу. Большое спасибо.

Он внес вещи в пустой двор, — не оставлять же их на дороге, — с собой взял микроскоп. Пропадет — делать здесь будет нечего.

Хлопнула калитка. Семашко невольно оглянулся: солдат бежал, а не шел отсюда, даже пригнулся немного, будто боялся, что чума, как пуля, догонит его.

Где-то за соседней избой крикнул черный дятел, желна. Крик его был резкий, устрашающий, троекратный. Семашко вышел на середину дороги, заспешив вперед. Где больница? Кого спросить? Дворы пустые.

Остановился у одного плетня, у другого, поглядел издали в подслеповатые окна — никого. Правда, казалось ему, что кто-то там выглядывает, следит за ним, но стоило зайти во двор да постучаться, как гулкий звук словно бы терялся в общем безлюдье.

Он, наконец, увидел больницу, узнал по покрашенным окнам, вошел во двор. Постоял секунду-другую, ожидая, не позовут ли его, и направился к крыльцу. Дверь распахнулась. И хмурый пожилой крестьянин в сером суконном зипуне возник перед ним.

— Я ваш новый доктор, — представился Семашко и протянул крестьянину руку.

Тот испуганно поглядел на ладонь, отступил.

— Сторож я.

Спрашивать лишнее Семашко не хотел. Он знал, что люди больше всего не любят излишне светлых и разговорчивых, а ему с ними еще долго работать.

Он уверенно прошел по коридору, открывая двери с обеих сторон и разглядывая спокойным хозяйским глазом больничные помещения.

Кабинет врача был в полном порядке, будто здесь никто до него и не жил. Кресло задвинуто, стол чистый, у чернильницы — стетоскоп. В книге регистрации — ни одной фамилии. Странно. В Самаре говорили, что доктор здесь прожил четыре месяца.

В палатах тоже будто никто не лежал. Он увидел еще одну дверь, открыл ее и по узкому коридорчику прошел вперед. Это оказались докторские комнаты. Мебель старинная, крупная, добротная. Дверцы в буфете распахнуты, точно бывший доктор так торопился сбегать отсюда, что даже закрыть не успел.

Он вышел во двор, и теперь шагал по той самой деревенской улице, к первому дому, где стояли, ожидая его, чемоданы и лаборатория.

Сторож шел сзади, и Семашко замедлил шаги. Что здесь происходит? Есть ли люди?

Он оглянулся. Старик стоял на дороге, будто бы решил: идти или нет дальше?

— Вещи рядом, — объяснил ему Семашко. — В том доме.

Старик опустил голову.

— Туда нельзя. Чума...

Семашко вздрогнул.

— И много умерло?

— Все. Вначале овцы, потом — люди. Никого не осталось.

— Овцы?! А в других домах?

— И в других. Чума никого не щадит.

Что-то вроде надежды мелькнуло у Семашко.

— Но когда же был поставлен диагноз? Кто решил, что это чума?

— Доктор.

— Он лечил больных?

Сторож рукой махнул.

— Они сами чумы боялись. Заперлись дома и не выходили совсем. А если больные к ним шли, то велили сразу в сарай сажать, а еду мы под дверь просовывали.

Теперь Семашко понимал, что люди в деревне должны быть, но они, видно, боятся доктора. Ну что ж, придется им показать, кто враг, а кто друг.

Он вынес чемоданы, взял два потяжелее.

— Господин доктор! Господин...

Сторож стоял на коленях, вытянув руки.

— Господин доктор, — повторял он. — Не велите село палить, не велите! — слезы текли по его щекам. — Куда нам идти? Где жить? Здесь все наше, родное, дозвольте тут умереть. Лучше уж от чумы, чем от голода.

Семашко шагнул к сторожу.

— Встаньте, милый человек. Встаньте. И не просите меня ни о чем, я вас хорошо понимаю.

Первый посетитель пришел в больницу к вечеру. Семашко стоял у окна и видел, как в калитку протиснулась бочком маленькая квадратная старушка, повязанная платком до самых глаз. Она огляделась, даже присела немного и нарспев позвала:

— Па-ахомыч!

В сенях крикнул Пахомыч, завозился с обувкой.

— Ты чего?

Семашко с мальчишеским любопытством присматривался к первой своей больной.

— Как новый-то? — шепотком заговорила она. — В сарай не сажает?

— Не. Кажись, добрый.

— А палить деревню хочет?

— Не. Говорит, это проверить еще нужно. Почему, говорит, у вас овцыдохнут, так, говорит, чума не идет... Мы, говорит, тут все, Пахомыч, с тобой решим.

Бабка поглядела на Пахомыча, стала креститься:

— Господи, — запричитала она, — спаси-сохрани нас грешных. Может, сурьезный человек пришел.

Семашко улыбнулся в усы.

— Так говоришь, может, и не чума? Как в деревне-то людям сказать, все ждут.

Семашко распахнул дверь. Старуха поглядела на него, попятилась.

— Батюшка доктор, — заголосила она. — Я вся здоровая, я к свояку пришла. Не сажай в сарай... Я темноты боюсь...

— Я и сам боюсь, — рассмеялся Семашко... — И потом — зачем же в сарай сажать. Зайдите ко мне с Пахомычем, давайте чайку попьем, потолкуем. Он отступил на шаг, пропустил сторожа, потом старуху и следом вошел в коридор.

Самовар на его столе еще не остыл. Семашко достал чашки, поставил сахарницу, пригласил к столу.

— Вот что, — решительно сказал он, — рассказывайте все как было.

— Чего? — Старуха все жалась к дверям.

— Все. И когда болезнь началась. И сколько овец умерло, сколько людей погибло. Кто первый заболел. И где овцы пасутся?

Он пристально поглядел на бабку, подвинул к ней чай и добавил:

— Чтобы селу помочь, я должен все точно знать.

Утром Пахомыч сказал, что на хуторе еще один человек умер. Баба. Несла самовар, закачалась и упала замертво: никто к ней даже подбежать не успел.

— Сейчас же пойдем туда, — распорядился Семашко. — А в деревне предупредите: я запрещаю все похороны до моего личного осмотра и освидетельствования.

Он накинул шинель, взял докторский саквояж и вопросительно поглядел на сторожа.

— Я провожу, — понял тот.

Семашко усмехнулся.

— Не трус таракан, да ножки хрупки. Выбора у нас нет, Пахомыч, живы будем — не помрем.

Он вышел на крыльцо, вздохнул. Чума — не война, а хуже любой войны будет. Окинул глазом село: тихо! И день сегодня отличный. Небо высокое, солнце яркое. Ветерок слегка прошестел листьями, погонял желтяки по двору, будто бы посчитал свой осенний доход.

... И опять пошли они по селу, но теперь — рядом. Высокий, молодой, широкоплечий доктор и старый больничный сторож Пахомыч. Идут молча, каждый о своем думает. Сколько раз в революционных студенческих кружках говорили они о помощи народу, о его трудной судьбе, а что помощь может и так выглядеть — никто не представлял.

Бойтся ли он, Семашко, смерти? Нет, об этом он даже не думает. Слишком нелепо было бы погибать.

Ну, а если все же придется ему умереть здесь? Что же, выхода все равно нет. Где, кроме него, искать людям спасения? У кого? У того офицера на мосту? У генерал-губернатора? У царя?

Как им жить дальше?

Он услышал, как Пахомыч сказал:

— Здесь. — Потом спросил. — Я с вами, доктор?

— Нет, я один. Спасибо, старик.

Распахнул калитку. Хлопнула дверь. И опять тишина. Хоть бы птица какая защелкала. Мрачно.

Приподнял руку, улыбнулся Пахомычу. Нужно идти. Заглянул в окно. На столе миска и вроде бы похлеб-ка в ней, рядом деревянная ложка брошена.

Обогнул крыльцо, остановился. Мертвая лежала на земле. Самовар откатился, валялся на боку. Перед самоваром — лужа. Значит, и здесь почва глинистая.

Семашко снял фуражку, постоял, как положено, с непокрытой головой, пошел в сарай.

Полыхнула спичка. Он прикрыл огонек ладонью, осмотрел пол и стены, споткнулся обо что-то мягкое. Присел. Овца мертвая.

Обошел и опять присел: еще одна.

Надел резиновые перчатки и вытащил животное к свету. Вот теперь можно и разглядеть.

Разгреб шерсть, осмотрел кожу: язвы!

Чума? Кожная форма чумы? .. Или другое?

Встал. Рукавом вытер вспотевший лоб и тут же опустил руку. Дальше от лица! Смерть рядом, может, ближе, чем думаешь. Достал скальпель, предметное стекло, провел им по язве. Ах, как нужна Аннушка, если бы не испугалась она!

Он завернул осторожно мазки, снял перчатки, под-нялся. Теперь назад, к микроскопу!

Он не заметил Пахомыча, прошел мимо него. Старик что-то спросил, но Семашко не отозвался. Он не шел, а летел к дому. Распахнул шинель, расслабил галстук, шаг невольно стал шире.

Взбежал на больничное крыльцо, дернул дверь и забыл затворить — так и осталась она распахнутой.

В лаборатории все готово: микроскоп на столе, бутылки с красителем.

Достал из саквояжа стекла, залил краской. Теперь фиксировать. Как много зависит от того, что увидит он сейчас, как много!

Закружилась голова — так резко пахло гарью. Нет, не горит деревня еще, не горит. Не кричат люди, не льют слезы над кровом своим, но все это может быть...

Приподнял тубус, капнул иммерсионного масла. Аннушка, Аннушка, как вы нужны сейчас! Вздохнул и стал наводить окуляр. А сердце стучит, толкает в виски кровь, мешает сосредоточиться.

Спокойно, спокойно, доктор! Никто, кроме тебя, не скажет, отчего люди гибнут...

Повернул микровинт. Вот они, бациллы! Сколько уже смертей ими посеяно...

Чума? Нет, на чуму не похоже. Откинулся назад и опять припал к окуляру. Осторожно, не торопись. Будь внимателен.

Отошел от микроскопа, сел в кресло и опять вскочил.

Что же делать теперь, кому писать? Даже поделиться не с кем.

Оглядел комнату, и вдруг лаборатория показалась ему такой пустой и холодной, что заныло в груди. Один! Совсем один! Как нестерпимо теперь это чувство.

Он подошел к окну, поглядел на пустой двор. А что если хватить кулаком по раме, раскрыть настежь, крикнуть что есть силы, что спасены все...

Повернулся, сдерживая свою радость, бросился к Пахомычу — ему, ему обо всем первому! — влетел в приемную, а в кресле — Аннушка.

— Николай Александрович! Вы больны? На вас лица нет...

— Аннушка! Здоров я, здоров!

Схватил ее за руки, закружил.

— Аннушка, да знаете ли вы, что я сейчас скажу вам?!

Он сделал паузу.

— Не чума в Александрии! Не чума! Спасена деревня!

Он помчался к микроскопу.

— Глядите! — кричал он. — Глядите! Теперь мы можем помочь Новой Александрии.

Днем они обошли все пастбища. И сразу стало ясно, где гнездится зараза. За ельником оказалось небольшое болотце, мочажина, и с застойной прелой водой — сюда и забирались новоалександрийские овцы, отсюда пошел мор.

— Пока не осушим болото, — сказал Семашко Пахомычу, — жизни в Александрии не будет. Так и нужно объяснить мужикам. Начнем сегодня же. Пусть берут лопаты, топоры — у кого что есть, пойдем все воевать с сибирской язвой. Теперь только от нас зависит: жить или погибать. — Он обнял старика и попросил. — Объявляй сход, я с людьми говорить буду.

Они подошли к больнице и остановились. Во дворе былолюдно, только и на расстоянии Семашко понял — это солдаты.

Аннушка побледнела.

— Николай Александрович, — сказала она, — они пришли жечь деревню.

— Доктор, — старик стоял как вкопанный. — Что же делать?

Поручик увидел доктора и не спеша пошел навстречу. Он улыбался.

— Рад сообщить, — сказал он, — что миссия ваша кончилась. Слава богу, мы, наконец, получили долгожданное подтверждение приказа и сегодня же сможем уничтожить этот источник заразы.

Он поглядел на Семашко и рассмеялся.

— А вы, оказывается, живучий, доктор.

— Но приказ может быть выполнен, — спокойно напомнил Семашко, — если в деревне чума.

— Совершенно верно.

— Тогда я должен вам сказать: в деревне — сибирская язва. Утром мы провели исследования и теперь собираемся посылать в Самару наши данные. Вам, поручик, придется ждать новых указаний.

— Вы очень упрямы, доктор, — в глазах офицера появились злые огоньки. — Я понял это в минуту нашего знакомства. Но запомните, все ваши уловки и оттяжка не может помешать мне выполнить свой долг. Деревня обречена. И считайте, что через два часа здесь ничего и никого не будет.

Семашко устало вздохнул и вынул часы.

— Считайте, что вас здесь не будет много раньше.

Он так и стоял перед поручиком, глядел, как медленно взбирается по циферблату его карманных часов секундная стрелка.

И в то же мгновение где-то совсем недалеко раздался первый удар железа по железу. Звук был тихий, но он быстро нарастал, набирал силу, разливался, грозно и призывно звучал над деревней.

— Что это? — испуганно спросил офицер.

— Набат.

А по деревенской дороге тянулись люди. Они несли топоры, вилы, лопаты — кто что захватил.

— Вы опоздали, поручик, — сказал Семашко.

Около двух месяцев ждал Семашко вестей из Самары. Он отправил два письма: одно — доктору Грану, заведующему медико-санитарным бюро, второе — лично генерал-губернатору. Мочажное болото было осушено, и случаи сибирской язвы больше не повторялись.

Самара молчала, словно там воды в рот набрали.

Правда, кое-какие вести о том, что он не забыт, появились. Как-то наведаясь в больницу уездный исправник, поговорил с доктором о погоде, коснулся политики, попросил Пахомыча принести чайку и мирно уехал.

Через неделю явился становой пристав, сказал, что прослышал о высоких докторских талантах Семашко, стал жаловаться на свои больные зубы.

Семашко усмехнулся: что такое зубы станового пристава, он хорошо знал.

— Говорят, в Казани арестованы многие социалисты, — начал становой, — мне кто-то рассказывал — это ваши друзья, доктор.

Семашко взял зубное зеркало и острый крючок.

— Откройте-ка рот, господин пристав.

Зубы были здоровые, ровные. Семашко нахмурился, сделал серьезное лицо.

— Да-а, — как бы всматриваясь, протянул он. — Картина жуткая. Я бы срочно удалил вам три зуба.

Пристав так хлопнул челюстями, что Семашко едва успел убрать зеркальце.

— Нет, нет, — сказал он. — Я к этому не готов. В другой раз. Благодарю вас, доктор...

А из Самары приходили мрачные вести. Арестованы друзья. При обысках найдены листовки, экземпляры «Искры». Ему писали, что пока он должен находиться в селе, — полиция наводит справки.

Он повернулся, услышав шорох, улыбнулся Аннушке. Фельдшерница стояла в дверях, счастливая, держала за спиной руки.

— Ну! — Аннушка помахала большим гербовым конвертом перед своим лицом. — Пляшите!

— Я пляшу не по каждому поводу. Давайте конверт.

— Но это от генерал-губернатора! — крикнула она весело. — Царская благодарность за ваш замечательный труд.

Он рассмеялся: какой все же она ребенок!

— Ах, не хотите, — с угрозой сказала она. — Тогда я сама спляшу! И завертелась в вальсе.

— А теперь, читайте! — крикнула она, падая в зубо-врачебное кресло. — Читайте, хмурый недоверчивый человек! И вслух! Вслух!

Разорвала конверт, достала твердый лист и протянула Семашко.

— Чи-тай-те!

Семашко пробежал строчки глазами.

— Ну? Я жду!

Со смехом выхватила листок, вспрыгнула на кресло.

— Врачу, — торжественно начала она, — Семашко Николаю Александровичу, — остановилась, просияла вся, — на всей территории Самарской губернии в работе... отказано...

Голос Аннушки оборвался. Она опустила руки, сошла на пол. Почему? Почему они так поступили, говорил ее взгляд.

Семашко ходил по кабинету: до окна — обратно, до окна — обратно. Нет, письмо не было для него такой неожиданностью. Он понимал, за ним, дважды исключенным из университета, неоднократно ссылавшимся, ведется наблюдение. Жандармское управление делало свое дело.

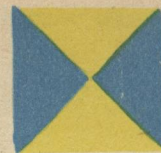
Он остановился и коснулся рукой плеча Аннушки.

— Ну, — сказал он мягко, — поняли, что такое царская благодарность?

... Так началась врачебная жизнь Николая Семашко, а впереди были долгие трудные годы борьбы, аресты, скитания, эмиграция, дружба с Лениным в Швейцарии и, наконец, возвращение в Россию.

Здесь, в Красном Петрограде, в 1918 году указом Совета Народных Комиссаров врач и революционер Семашко был назначен Главным доктором молодой Советской республики.

полом крутится храбрый клоун, по манежу носятся мишки в автомобилях, а лев, немного похожий на обиженного пуделя, неуклюже прыгает через обруч.

Такие керамические росписи появились недавно в новом Южно-Приморском парке Ленинграда.

Росписи до того красивы и необычны, что я с особым интересом встретила с их авторами. Беседовала с ними об искусстве — и вдруг услышала про Фафика.

Жил-был песик Фафик. Дом его стоял рядом с керамической мастерской. Песик любил лежать на пуховой подушке на окне и глазеть по сторонам. И, как полагается уважающей себя собаке, лаял на тех, кто останавливался. И вот обитатели мастерской, солидные художники (ай, ай, ай!), прерывали свою работу, выбегали на улицу и... гавкали разными голосами, что, конечно, сердило и Фафика и Фафикову хозяйку.

Тут мои собеседники, покагываясь от хохота, позабыв о своих росписях, сразу превратились в тех, кто они и есть на самом деле, — в смешливых, задиристых, самых обыкновен-

какого
цвета
рыбки
крылья?

О. Колесова
Фото О. Васильевского

ных девятилетних мальчишек и девчонок.

Сперва был обычный кружок керамики при Дворце культуры имени А. М. Горького. Потом из него отобрали человек десять — наиболее способных, увлеченных и трудолюбивых. Оказалось, что все они учатся в одном классе — в третьем «б» 390-й школы. Их учительница, Евгения Гурьевна Мануйко, не только не ругала ребят за вечно перепачканные руки, но и помогала. В самое «пиковое» время, когда горели все сроки и юные художники работали каждый вечер, Евгения Гурьевна разрешала им готовить только один какой-нибудь предмет. Но ребята все равно старались успевать сделать все.

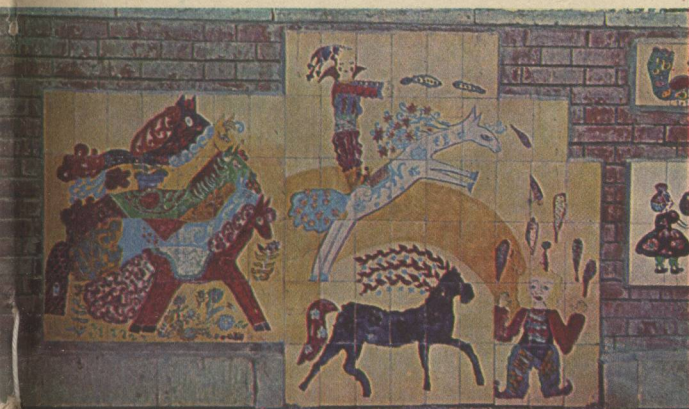
Пришел Сережа Яковлев поздно с кружка и успокаивает маму: «Ты ложись, я тебе не буду мешать». Зажег лампу в углу, прикрыл ее и стал,

как взрослый, не спать ночью. Сидел и сидел над тетрадками.

Да, любовь к искусству обходится дорого. Несколько раз в неделю, по субботам, по воскресеньям ребятам приходилось ездить через весь город в училище имени В. Мухиной (в помещении кружка при Дворце культуры не было муфельной печки для обжига). Там на целый вечер им отдавалась просторная аудитория. Ребята снимали сапоги и ботинки и ползали в рейтузах по огромным листам картона.

Казалось бы, чего проще, возьми и увеличивай свой собственный эскиз до нужного размера. Но оказалось, что копировать не так-то легко.

Стал Сережа рисовать город на большом картоне — и ничего не получается. То крепость маленькая, то конь куда-то уехал. То все перекошилось. А издали совсем ничего не понять, до того мелко.

Тогда руководительница потушила свет, поставила в эпидиаскоп маленький эскиз, и все увидели на стене большой город. И лошадь, и башня, и солнце были на месте. Обвели контуры, стали раскрашивать. И удовольствие куда-то исчезло, на картоне — одна мазня, рисовали кое-как, неинтересно стало. Снова плохо.

Но однажды Витя Елизаров взялся рисовать сказочный город сразу в большом масштабе, не глядя на свой эскиз, а только вспоминая его. Начал с крыши — и вдруг получилось! Все прыгали и кричали. А потом Люся Сенькевич своих златогривых коней написала за один присест. И Петрушку. А Оля Кутькова — своего большого Кота в сапогах и со шпагой.

Вначале каждому хотелось рисовать одну «свою» композицию и доводить ее самому до конца, до керамической плитки. Но что же делать, если у Люси хорошо получались только животные, у Вити — дома, а у Лени — птицы? Ребята ссорились и обижались. Больше всех огорчился Сережа, что ему приходится делать одни только эскизы. Собирался даже уходить из кружка. Неизвестно, чем бы все это кончилось. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Одна девочка, участница кружка, заболела, и ее отправили надолго в санаторий. Девочка очень печалилась, но решила не пасовать перед болезнью. В адрес кружка пришел толстый пакет, где оказался рисунок корабля для боль-

шой композиции и письмо с просьбой, если можно, закончить эскиз. Ребята живо откликнулись. И тот же самый Сережа строго следил, чтобы при увеличении были соблюдены все «авторские» детали. Сейчас, показывая мамам и папам свои росписи в парке, ребята обязательно скажут, что вон тот корабль — Марины Ковалевой.

Конечно, стать единым коллективом непросто. Все ведь

разные. Озорной Сережа Николаев. Немного важный Витя Елизаров. Важный оттого, что умеет писать стихи. И даже книжечку специальную завел, куда все записывает. Это он придумал надпись на композиции «Город»: «У окошка конь стоит, на окно всю глядит».

Леня Баранов всегда знает, что задали, что готово и что не готово. И любит делать замечания. А Люся Сенькевич любит фантазировать, мечтает дальше учиться живописи. А самый исполнительный и аккуратный — Саша Замятин.

Но в любви к краскам все они одинаковые.

Когда большой картон всем нравился, рисунок переносили через копирку на керамические

плитки, и их надо было красить.

Оля пришла и закричала: «Ой, а почему краски в больших банках?» Стала кисточкой водить, как привыкла, макает, а плитка все чистая — краска не ложится! Потом научились класть густо, «укрывисто».

Плитки в большие печки ставили взрослые, ребята помогали — носили. Плитки пеклись почти целую ночь. Накалялись докрасна. Потом постепенно остывали, и вечером ребята держали в руках свеженькие, блестящие, еще чуть теплые «пирог». И удивлялись, как меняются тона. Волны вчера были бледно-голубые, а сегодня стали темно-синие. Облака были белые, стали прозрачные...

Если рисовали мост — то обязательно под мостом кто-то сидит, чтобы было интересней потом разглядывать. Шкура у лисы — не рыжая, а в цветочек, потому что лиса веселая. А павлин гуляет в беленькой рубашке. У плачущей «Осени» (из цикла «Времена года») вместо слез на щеки падают румяные яблочки. А фиолетовый слон, хотя он и фиолетовый, но все равно добрый, ходит по полянке и рвет хоботом цветы.

Если роспись получалась совсем непонятной, выручали подписи. Зеленоватому, с красным бантиком коту, чтобы не спутали с другим зверем, написали: «мяу ...мяу ...мяу...»

И ходят по парку взрослые и улыбаются. И отгадывают: какого же цвета у рыбки крылья?

„ОКЕАН-2”

В редакции «Костра» висит большая карта с голубыми морями и океанами.

В разные порты мира из Ленинграда, Мурманска, Севастополя и Владивостока протянулись по этой карте ниточки маршрутов. Это идут пионерские флотилии. Маневры «Океан-2» продолжаются! А те, кто опоздал к началу маневров, могут присоединиться к флотилиям в пути, прочитав условия игры в первом, январском, номере «Костра».

Походному штабу «Океан-2» докладывают:

1. Первую в России подводную лодку пытался построить в Петербургском Адмиралтействе крестьянин Ефим Никонов. Ее модель испытывали на Неве в 1724 году.

Командир подлодки «Пионер-17» Олег Кузнецов

2. Изобрел и построил первый в мире самолет русский военный моряк, капитан I ранга А. Ф. Можайский.

Командир крейсера «Комсомолец» А. Низов

3. Прибыли с визитом дружбы в кубинский порт Сьенфуэгос.

Командир ракетного крейсера «Грозный» Лена Щербакова

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 4

1. Представить краткий отчет (не более двух тетрадных листов) о пребывании в вашем порту и написать о самом интересном и важном, с вашей точки зрения, в истории этого порта.

2. 10 апреля выйти в море для следования в точку встречи с координатами: Ш-40°Ю, Д-60°В. Прибыть туда 9 мая в 12.00 по московскому времени.

3. За время перехода подготовиться к выполнению первой познавательной стрельбы под кодовым названием «Победа».

4. Экипажам приступить к изготовлению стендовой (без двигателя) модели корабля, под девизом которого экипаж участвует в маневрах. Модель может быть изготовлена из дерева, пластмассы, картона и других материалов. Величина модели — до 30 см в длину.

За лучшую модель — специальный приз командующего маневрами.

Рекомендуется (к третьему пункту приказа): прочитать несколько книг об участии военных моряков в Великой Отечественной войне.

СООБЩЕНИЕ ПРЕСС-ГРУППЫ

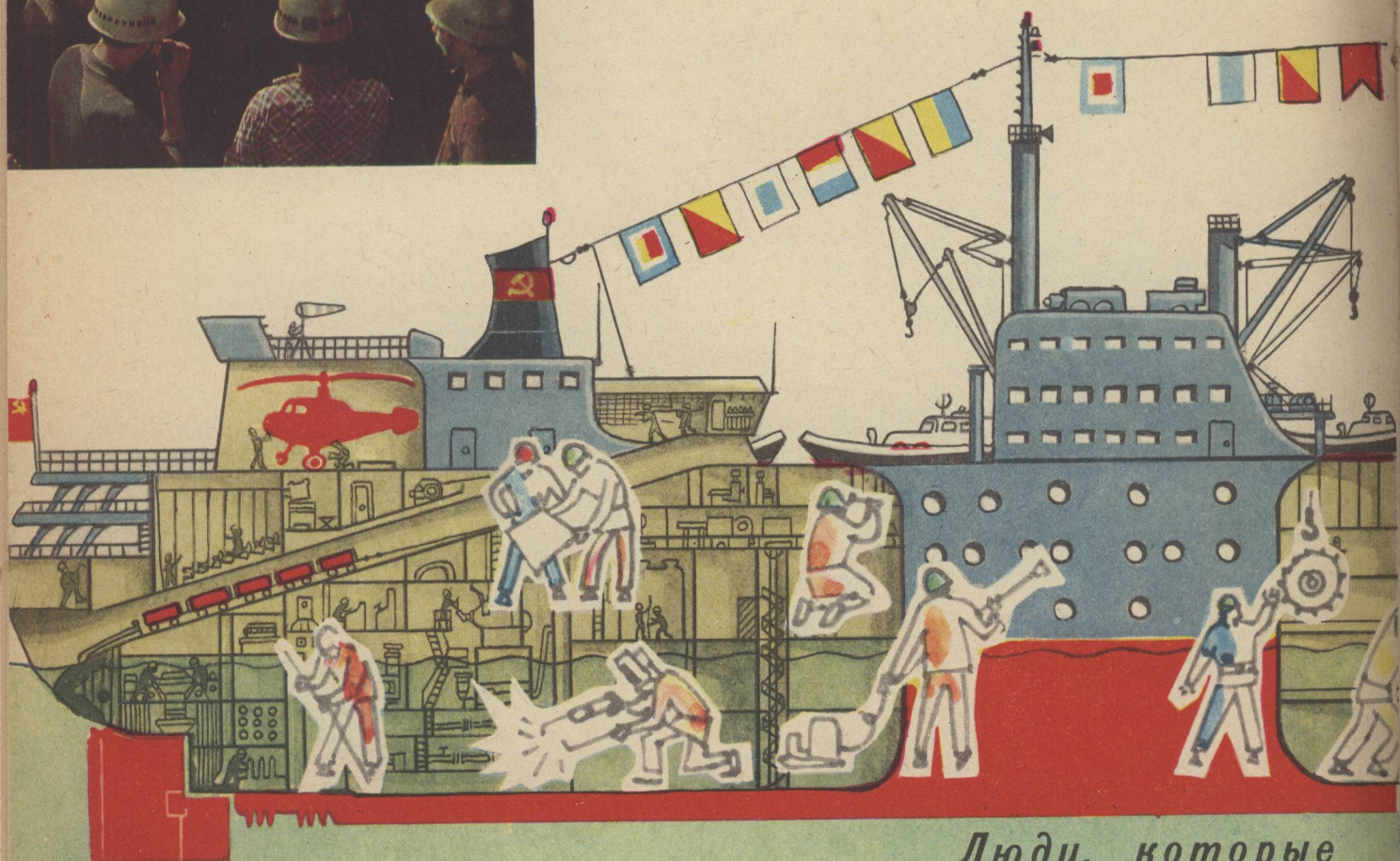
Многие экипажи нашли ошибки в рассказе боцмана.

Что же перепутал боцман Румпель?

А вот что. В январе на Новой Земле полярная ночь и солнце не может быть в зените. Ахтерпик — кормовой отсек, его невозможно погнуть, нельзя его и выправить. Рында-булинь — это короткий трос особого плетения, который привязывается к языку судового колокола. Шкимушгар — тонкий пеньковый трос низкого качества. Суп из плавников акулы бывает, но ЗИПом его заправить нельзя. ЗИП — это запасные инструменты и приборы. Контрафорсы — металлические распорки в звеньях якорной цепи, а мусинги — особые узлы на тросе.

Как видите, подшутил боцман над молодыми моряками.

Люди, которые

Мы давно хотели вам рассказать, как на огромной верфи строят огромные корабли. Собирались-собирались и опоздали.

Пришел наш корреспондент на Адмиралтейский завод, а ему говорят:

— Вы насчет «Востока»? Уже спущен. Уже на плаву.

Корреспондент испугался:

— Как на плаву?! И оркестр играл? И бутылку о форштевень разбивали?

— Да, — говорят, — играл. Да, разбивали. Ничего не поделаешь.

Повесил корреспондент голову и пошел прочь. А вслед кричат:

— Эй, погодите! Вы о чем должны писать? О том, как строят «Восток»? Так ведь его еще вовсю строят!

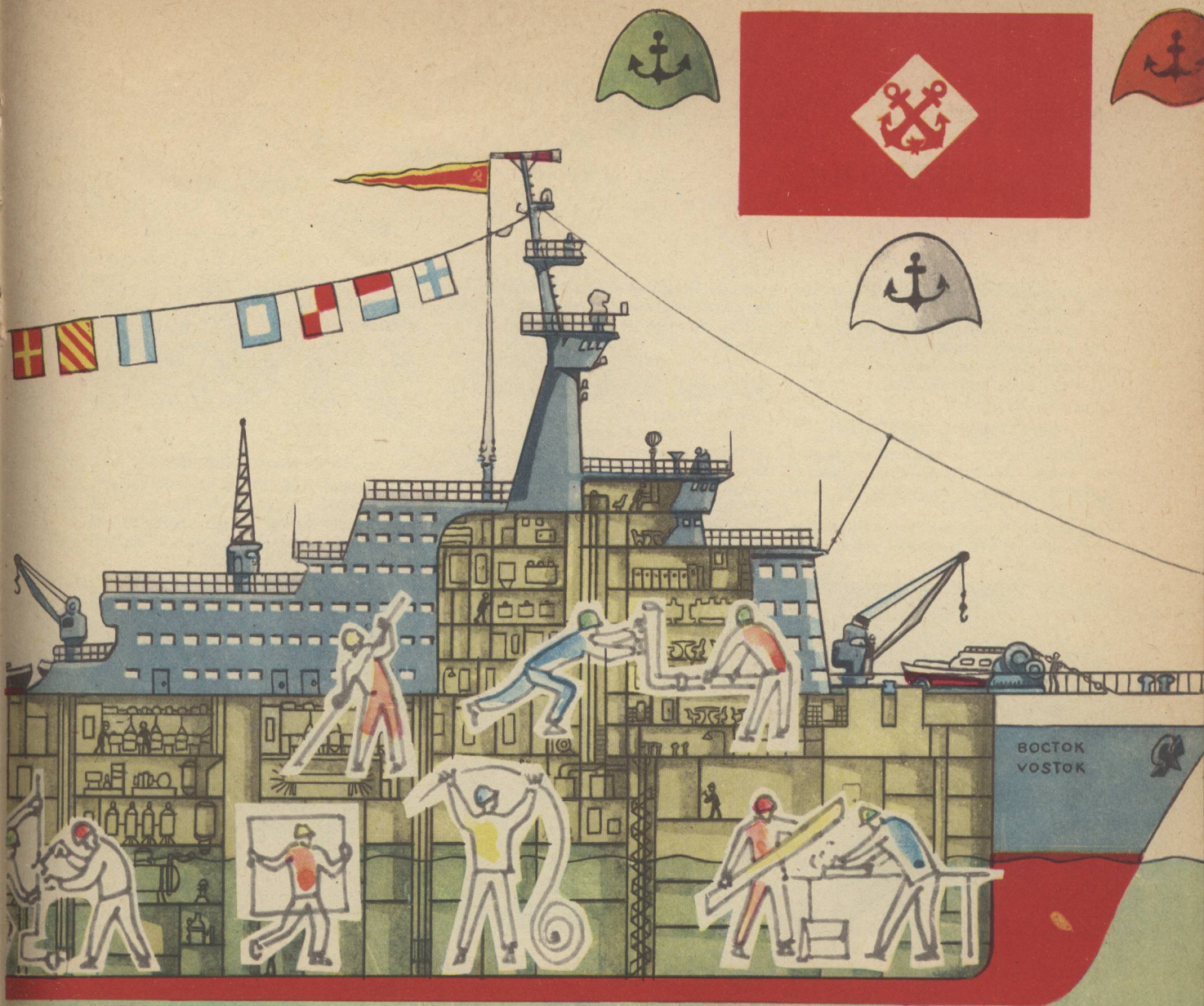
Оказывается, когда корабль спускают на воду, это праздник не только окончания, а во многом — и начала работы.

Вон сколько снаружи и внутри «Востока» разноцветных пятнышек. Каждое пятнышко — каска: белая — у инженеров, оранжевая — у мастеров.

Но больше всего касок зеленых. Их носят рабочие. Судостроители.

Каски у них одинаковые, а дело разное. У всякого свое.

Монтажники монтируют механизмы, ста-

строят „Восток“

вят на место рулевую машину, оборудуют холодильные установки, собирают ангар для вертолетов, крепят трюмные переборки.

Изолировщики делают так, чтобы вода не просочилась, где ей не положено. А сантехники, наоборот, проводят воду, куда нужно.

Телефонисты, маляры, мебельщики наводят порядок в каютах.

В кинозал пришли механики по киноустановкам, в радиорубку — радисты и акустики.

Такелажники заняты такелажем и якорями.

Где нужно трубу согнуть, — туда идет трубосгибщик, где металл сварить, — сварщик, где доску подстрогать, — плотник, где электричество провести, — электрик.

Металла, дерева, труб, электричества на «Востоке» очень много. «Восток» — не просто корабль, а корабль-завод, рыбопромысловая база, одна из крупнейших в мире.

Давно спущен «Восток», но далеко еще до его первых прощальных гудков. Только в декабре уйдет он из Ленинграда в свой порт приписки, в Одессу.

Корабль уйдет, а судостроители останутся. Почти никто из них не поплывет в моря-океаны. И все-таки все они немного моряки. Не даром на каске у них — на зеленой ли, на оранжевой или на белой — нарисован маленький якорек.

Оформление В. Свешникова и А. Януса

МАРШРУТ: „СТРАНА ЗНАНИЙ“

КАК ЗАОРОВАЮТСЯ НА ТИБЕТЕ?

Кто и когда коллекционировал улиток?

Возможен ли синтез пищи?

Невиданная суббота, неслыханное воскресенье
Мы ленивы? И нелюбопытны?
Самая тяжелая птица
Аппетит приходит во время еды
«Знание — сила». Ф. Бэкон

СЕРЬЕЗНЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Вечер субботы и все воскресенье — это очень много времени, и какого времени! Скорее на улицу! В кино, на стадион, в гости!

А вот во Фрунзенском районе Ленинграда ребята решили иначе. Пол-

гвоздь труднее вытащить из стены — круглый или трехгранный? Какая птица в нашей стране самая тяжелая?

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...

Совет Мудрейших.

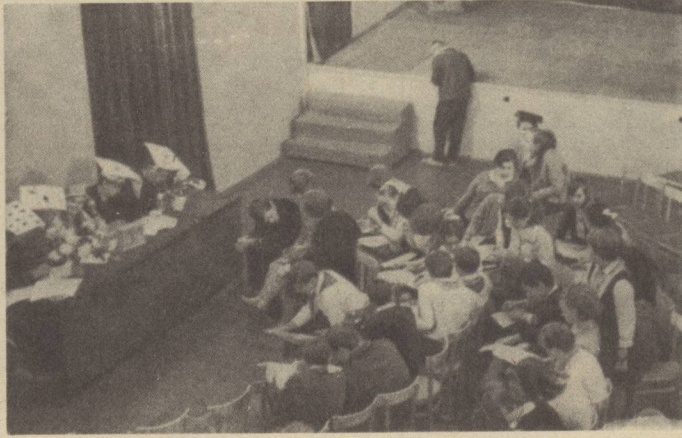
Вы видите на снимке этих ребят в четырехугольных шапочках наподобие тех, какие носят профессора в старинных университетах вроде Кембриджа или Сорбонны.

Для начала Совет Мудрейших обратился к отрядам с воззванием.

друзья фрунзенцев. Секция истории, например, изучала влияние исторического развития на архитектуру. Почему в средние века иной раз приходилось прорубать окно в потолке? Чтобы не платить налог, который брали с обычного окна в стене.

НОЧЬ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ

Новички долго не могли заснуть. Ворочались, вздыхали. Когда человек узнает сразу много всего, это называется «информационный взрыв».

тора заветных для всякого школьника дня они посвятили пропаганде знаний.

Школа комсомольско-пионерского актива, все семь ее отрядов, пришли в свой Дом пионеров с самыми серьезными намерениями.

В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ

Стены — все четыре — были увешаны «ребусниками» и «почемучниками». Со стен смотрели двести пятьдесят хитроумных вопросов. И не каких-то там шуточных. Какой

Нужно доказать, что слова Пушкина «Мы ленивы и нелюбопытны» к ребятам-фрунзенцам не относятся! А путь к знанию лежит через вопросы. Чем больше вопросов возникает у человека, тем больше он приобретает знаний.

250 вопросов!

СЕКЦИИ

Разошлись по секциям. Разошлись в полной тишине, — серьезной, даже глубокомысленной.

Секциями руководили взрослые —

Вот и усни после этого взрыва. Мелькают в голове обрывки услышанного, не отвязывается фраза шиллеровского героя: «Двадцать три года, а еще ничего не сделано для бессмертия». А главное — в каком почете были знания в минувший вечер. И как это интересно — много знать. Это же совсем другие разговоры, и время летит на всех парах.

БОЙ ОРАТОРОВ

Они выступали по очереди. Надо было доказать, что из всех видов ин-

Как научились получать удобрения из воздуха?

кто обладает самым широким голосовым диапазоном и каким?

Почему племя ПАДАУНГИ ТАК НАЗВАНО?

Как можно консервировать воду?

ГДЕ НАХОДИТСЯ ЕДИНСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИК ГУСЕНИЦЕ И ПОЧЕМУ?

Какое письмо самое большое в мире?

формации самый лучший — например, кино. Или книга (это уже другой оратор доказывает). Или телевидение (третий оратор).

Ораторствовали с маленького балкончика, на котором во время спектаклей ютятся осветители. Ораторы были разные. Один шутит и смешит слушателей. Другой берет фактами, приводит цифры. Третий включает магнитофон, и все слышат хруст, шелест, жевание, чавканье. Вот, оказывается, какие бывают зрители на театральных представлениях: жующие.

Рафаэля все-таки знали. А вот создателя науки кибернетики Винера кое-кто записал в художники. И архитектора Воронихина спутал с летчиком-героем Талалихиным.

Знаний анкета не принесла. Но она помогла обнаружить прорехи в знаниях.

Очень полезная анкета.

ВОШЛИ ВО ВКУС

Конечно, эти полтора дня занимались не повторением пройденного, успеваемость не подтягивали.

стали студентами, аспирантами, но не ушли из боевых рядов активистов-фрунзенцев.

А почетное право быть в этих рядах нужно все время подтверждать делом. Например, таким отличным делом, как субботне-воскресный штурм знаний.

Без знаний не построишь коммунизм.

Знание — сила!

*Рассказал о делах ребят
В. Лосенков*

Фотоснимки А. Прутта

КНИЖНЫЙ БАЗАР

Кто принес одну книгу, а кто и двадцать. На книжном базаре книги не продавались. Они были разложены по темам, и можно было тут же полистать, списать название, навести справку. Возле книг дежурили консультанты.

АНКЕТА

Она была короткой. Нужно было ответить на вопрос, кто такой Рафаэль. И кто — Бакунин. И кто — Винер.

Приобретали вкус к знаниям. И не один фрунзенец шептал про себя: «Эх, еще бы разок обсудить ту же тему. Я бы подготовился!»

ИТОГИ

Совет Мудрейших трудился, подводя итоги. Подсчитывал очки, заработанные отрядами за ответы на вопросы. Вырабатывал отзывы о прочитанных докладах.

Под шум, аплодисменты, общее одобрение наградили победителей.

Прошли годы, тогдашние пионеры

* * *

Где-то мы уже слышали фамилии этих взрослых парней, пришедших помочь фрунзенцам. Володя Лосенков, Саша Прутт... Позвольте, да ведь о них и об их товарищах — книжка «Фрунзенская коммуна». Они были и авторами этой книжки, — ее писало много ребят. Как когда-то «Базу курносых» и «Мы из Игарки», — книжки, одобренные самим Максимом Горьким.

Что можно сказать о черном фарфоре?

Как борются японские ученые с морской болезнью?

Какие столицы существовали до нашей эры?

Я — ИНСПЕКТОР МАНЕЖА

ПОВЕСТЬ

Роберт Балабановский

Рисунки Ю. Шабанова

В первопрестольной

Так называли Москву.

Нет, это была не та Москва, в которой, быть может, вы живете, или бывали, или знаете по бесчисленным кинофильмам и телевизионным передачам — Москва широких проспектов, просторных площадей, высотных зданий, метро и тысяч машин на гладком асфальте.

То была Москва-матушка. Город степенного купечества и буйной студенческой молодежи, тихих дворянских особнячков и взрывной революционной Красной Пресни.

То была Москва мощенных булыжником узких улочек и горбатых переулков, где шестиэтажные здания соседствовали с множеством домиков дачного вида с садами и садиками. Вдоль двух бульварных колец бе-

гали тесные трамвайчики. В центре города у Сухаревской башни размещалась грандиозная толкучка. Почти у самых стен красавца Кремля находился сутолочный рынок — Охотный ряд.

В то же время это была Москва Малого и Художественного театров, Третьяковской галереи и университета.

Конечно, мало кто из публики, посещавшей Малый и Большой театры, заглядывал в сад «Аквариум», но все же это была та же Москва.

Нет, мы не провалились на сцене театра в саду «Аквариум». И в Москве нас провожали аплодисментами, и дирекция была с нами вежлива, понимая, что в успешнейшей программе есть и наша немалая доля.

На площади, которая теперь называется площадью Маяковского, в здании нынешнего Театра сатиры помещался цирк Никитиных. Тогда в нем гастролировала знаменитая труппа японских артистов «Ямадасана».

Написана в содружестве с писателем
Арк. Минчковским.

Окончание. См. «Костер» №№ 1—3, 1971 г.

Уже не говоря о внешнем виде — красоте и тонкости красок японских костюмов, ансамбли эти поражали слаженностью движений. Мне запомнился прекрасно поставленный и так же прекрасно исполненный заключительный аттракцион, носивший типичное для того времени название — «Крест смерти».

Высоко под самым куполом цирка были крест-накрест натянуты два троса, по которым навстречу друг другу плавно двигались и на скрещении расходились в разные стороны десятка два японских канатоходцев. Их необыкновенно красочные костюмы эффектно подсвечивались снизу. Зрелище было столь же чарующим, сколь и захватывающим. Ведь японцы работали без лонжи и без сетки внизу, а значит, каждый должен был быть блестящим мастером хождения по проволоке.

В той же труппе выступали замечательные жонглеры с мячами, позже породившие подражателей во всем мире. Резиновые мячи тогда еще не применялись, и японцы работали с клубками легких ниток. Был, например, такой поразительный трюк. Жонглер кидал в публику размотавшийся клубок, натягивал нитку и по ней пуская волчок, который, вращаясь, пробежал по нитке через весь манеж. Имя этого жонглера было Токашима. После революции, когда труппа «Ямадасана» вернулась на родину, Токашима, как и некоторые другие японские артисты, не захотел покидать Советской республики и еще много лет проработал, выступая в цирках нашей страны...

Привлек мое внимание в Москве в то же время и «смертельный номер», который исполнял артист Александр Децериль.

В саду «Аквариум» устанавливали столб метров в

пятнадцать, на вершине его укрепляли кронштейн, на котором висела трапеция. У основания столба выкапывался бассейн глубиной не менее трех метров и заполнялся водой.

Децериль — атлетически сложенный молодой человек с привлекательным лицом — выходил на публику в светлом трико, плотно обтягивающем его гибкую фигуру. На груди у артиста чернело изображение черепа и скрещенных берцовых костей, какие вы можете увидеть на трансформаторных будках с надписью: «Осторожно — смертельно!» Этот знак должен был подчеркивать риск, на который шел исполнитель.

Пока Децериль по веревочной лестнице поднимался на подвешенную вверх трапецию, его ассистент поливал наполненный водой бассейн тонким слоем бензина, а затем поджигал его. Языки пламени взвивались вверх, готовые сжечь столб. Децериль был освещен зловещим красным светом огня — номер исполнялся вечером. На трапеции Децериль всякий раз, как бы не зная, не последний ли это его прыжок, театрально крестился. Потом, сложив руки, под единый вздох собравшихся, кидался вниз головой.

Через несколько секунд он, мокрый и невредимый, уже приветствовал неистовствующую от восторга публику, посылая во все стороны воздушные поцелуи. Ассистент набрасывал на плечи артиста халат, и он пропал во тьме вечера.

Конечно, этими эффектами нагнеталась таинственность и подчеркнутый страх за судьбу отчаянного смельчака, но и в самом деле, ошибись Децериль в своем падении хоть на несколько сантиметров, исход для него был бы смертельным.

18.00

Я вспоминаю о письме, которое сегодня днем мне передала секретарь дирекции.

— Роберт Михайлович, это, наверно, вам, — сказала она, протягивая конверт, на котором было написано: «Заведующему артистами и зверями на арене».

Писем в цирк приходит множество. Больше всего, конечно, артистам. Чем любимее артист, тем больше он получает писем. Есть даже свои чемпионы: Олег Попов, Вальтер Западный, Маргарита Назарова... Чего только им не пишут, о чем только не спрашивают! Бывают письма и серьезные, и трогательные, бывают и глупые, но таких меньшинство.

Большинство спрашивает, как стать цирковым артистом, что для этого сделать, где учиться и так далее.

Однажды я сидел в кабинете главного режиссера. Постучалась и вошла молоденькая девушка. Красная, проговорила:

— Я слышала, вам нужна уборщица. Возьмете меня?

Пришла она, конечно, не по адресу, нужно было идти к коменданту, но главный режиссер заинтересовался посетительницей.

— А вы откуда, что вы делали раньше? — спросил он.

Девушка покраснела еще больше. — Работала на швейной фабрике. Я мотористка.

— И хотите идти в уборщицы?

— Да.

— Но ведь у вас специальность, а уборщица...

— Пусть, я хочу в цирк.

— Уборщицей?

— Кем возьмете. — Она сделала паузу. — Пока. Потом стану учиться. Поступлю в цирковое училище.

— Вы в этом убеждены? — вставляю я. — Знаете, какой конкурс в нашем училище?

Девушка смотрит на меня с явным вызовом.

— Пусть. Я не боюсь. Только возьмите в цирк.

— Сколько вам лет?

— Шестнадцать.

— И давно вы это придумали, насчет цирка? — Главный режиссер поглядывает в мою сторону.

— С тех пор, как увидела гимнастку на канате. Я тоже занимаюсь художественной гимнастикой...

— Какое у вас образование?

— Профтехшкола.

— Сколько зарабатываете?

Девушка называет цифру. Главный режиссер говорит:

— Уборщица получает гораздо меньше.

— Пусть. Я проживу. А там уж сама... — И вдруг испуганно: — Не возьмете, да?

— Да нет, отчего же, — главный режиссер смягчается.

Он, как и я, понимает, что эту девушку уже ничто не остановит. Она

заболела цирком. Может быть, на всю жизнь. Выйдет ли из нее что-либо? Кто знает? Но такое страстное, непоколебимое желание стоит многого. Это уже, если хотите, полдела. Одно наверняка: мы приобретаем не просто уборщицу, мы приобретаем человека, для которого цирк станет родным домом.

Незаметно я киваю главному. Он берет за телефонную трубку.

— Идите по коридору в конец, потом по лестнице, третий этаж, — он называет номер комнаты. — Я сейчас позвоню. Думаю — в уборщицы, — он нарочно подчеркивает это слово, чтобы не раздражать напрасных надежд, — в уборщицы вас возьмут.

Но девушка словно не слышит. Она счастлива. Пробормотав «спасибо», выскакивает из кабинета.

Некоторое время мы молчим. Как говорится, бог свидетель — мы сделали все, чтобы отговорить ее от необдуманного шага... Необдуманного? А может быть, как раз обдуманного, выстраданного ночами? Внешние данные девушки — ее легкая фигурка, миловидность — не вызывают возражений. А что если перед нами будущая звезда советского цирка, а мы еще пытались ее разочаровать?

Разрываю конверт. Пишет ученица четвертого класса одной из ленинградских школ Галя Ш. Письмо написано старательно, без ошибок. Лег-

ко разбираю крупно написанные строчки:

«... Ответьте, пожалуйста, очень вас прошу, как мне стать укротительницей диких зверей, как Ирина Бугримова. Мне одиннадцатый год. Отметки у меня хорошие. Только по рисованию 3, а по пению 5. Дома я дрессирую кота Матроса. Он уже умеет прыгать через обруч и стоит на задних лапках. Но он не дикий хищник и дрессировать его не очень трудно. Я бы хотела маленького тигренка. Но где его взять? Кружков по дрессировке хищников нигде нет и во Дворце пионеров тоже. С чего же начать? Ответьте, пожалуйста».

Откладываю письмо и задумываюсь, что же ответить юной дрессировщице.

Ведь не только кот, но, наверно, и собачки ее не удовлетворяют.

Решил. Напишу ей письмо, что прежде всего нужно все-таки кончить школу, потому что дрессировщик должен обязательно быть образованным человеком. Ну, а обо всем остальном отвечу девочке книжкой, которую пишу. Надеюсь, она ее прочтет.

И дальше в путь

Москва была позади. Мы опять меняли города. Вскоре, судьба привела нас в Екатеринослав — город, куда я впервые прибыл с труппой Виноучи. Так ли давно это было?.. Здесь я бегал по лавчонкам за хлебом и папиросами. Теперь не мальчиком на побегушках — артистом, исполнителем номера «Человек без нервов», я вновь бродил по его улицам, гордо проходил мимо сада, где помещалось варьете, на эстраду которого некогда так мечтал попасть.

Екатеринослав стал будто серьезнее. Видно, это война наложила свой отпечаток. И здесь госпитали, и здесь множество военных на представлениях. И ожидание чего-то неминуемого, что должно скоро произойти. Ведь кровавой бойне не было видно конца, а в победу на этой войне уже никто не верил. Я замечал, что у проходящих на фронт маршевых рот теперь были жестяные котелки вместо медных, которые сияли под солдатскими скатками в начале войны. Шинели стали жиденькие, тоненького суконца, а вместо сапог на ногах красовались обмотки, похожие на зеленые бинты.

Выступали мы в деревянном здании цирка Труцци.

Программа была хотя и большая, но довольно плохонькая. Мы заканчивали третье отделение, наш номер считался коронным. Как премьеры, мы позволяли себе приходиться к концу второго отделения.

В антрактах зрители толпились в небольшом фойе. Для любителей сильных ощущений там был установлен электрический автомат. За пять копеек любой желающий мог проверить состояние собственных нервов. Нужно было положить пальцы на токопроводящие пластинки. Стрелка на шкале, укрепленной на стенке автомата, показывала степень выносливости испытуемого. У автомата всегда толпился народ. Желающих испытывать нервы находилось не так уж много, зато посмотреть, как прыгала красная стрелка, — хоть отбавляй.

Наш путь за кулисы лежал через это самое фойе, и вот как-то раз, когда мы с Жоржем проходили мимо автомата, кто-то крикнул:

— Человек без нервов!

Я невольно обернулся.

Меня, видно, узнали. Какой-то тип в серой визитке с гвоздикой в кармане сказал:

— Будьте любезны, я плачу. Покажите нам, в самом ли деле у вас не имеется нервов?.. — и засмеялся.

Это был, вероятно, третий калач. Ведь прежде в цирке такой номер, как мой, обставлялся таинственностью. Исполнитель номера порой выступал в полумаске, а реклама утверждала, что никто не видел его настоящего лица. Публике и в голову не должно было приходиться, что перед нею обыкновенный парень. Иначе какой же интерес, за что платятся деньги?

Человек в визитке задумал посмеяться надо мной и разоблачить меня перед публикой. Не следовало, конечно, нам проходить через фойе, когда там гуляли зрители. Но отступать поздно. Уйти же — значило быть осмиванным. Я приблизился к автомату.

Кругом заговорили.

— Гляди, тот, что без нервов!

— Он, говорят...

— Иностранец Роберт...

— А может — жулик?.. Мало ли их теперь.

— Везде обман.

— Гипноз, все гипноз, господа...

— Может, заговоренный?

Я положил пальцы на пластины. Шум сразу стих.

Ток все усиливался, но я терпел и делал вид, что мне это пустяки, нажимая пластины сильнее и сильнее. Стрелка медленно ползла по шкале и остановилась на крайнем делении. Кругом послышалось:

— Вот это да!

— Смотрите, ничем!

— Ну и нервы, как у слона!

Я оторвал пальцы. Толпа одобрительно гудела. Человек с гвоздикой был посрамлен. Мы с Жоржем прошли сквозь расступившихся зрителей и скрылись за служебной дверью.

Моя выдержка стоила мне немало. Несколько дней болели руки и работать было не так-то легко. Но чего не сделаешь ради рекламы!

Потом приехали в Одессу.

Несмотря на войну, Одесса была чрезвычайно оживлена. На Дерибасовской улице полно празднично болтающей публики. Очень много моряков, говорящих на разных языках, и одесситов, разговаривающих, как мне казалось, совершенно одинаково. Поражала меня гордость одесситов. Если они кого-нибудь из артистов принимали, то всей душой, бурно выражая радость. Если одесситам не нравилось — не приведи бог, освистут как нигде.

Нас, к счастью, не освистали, но иногда приезжие прославленные певцы не имели никакого успеха в этом городе и с позором уезжали восвояси. Случалось и иное — Одесса делала знаменитостью безвестного тенора или баритона, и тот покидал город, окрыленный успехом.

Или уж если случалось одесситам кого-нибудь полюбить, любовь эта выражалась столь бурно, что артиста забрасывали цветами и прямо-таки носили на руках.

В те дни, когда мы выступали в Одессе, любимцем городской публики был «феноменальный мальчик» Володя Зубрицкий, лет девяти или десяти. Его фотографии красовались в витринах всех модных одесских ма-

— Скажите, Володя... — обращался к нему на «вы», по тогдашней традиции, партнер, — кто такая Гера?

— Древняя греческая богиня, — не задумываясь, отвечал Володя. — Старшая дочь Крона и Реи, седьмая супруга Зевса — верховного бога греков. Повелительница туч и бури, солнца и дождя...

— А кого убил Парис?

— Он порастил Ахилла, попав ему стрелой в пятку, — тоненьким детским голосом, но как можно громче, отвечал мальчик.

На любой вопрос из истории древнего мира, средних веков и новейшей у него был готов ответ.

И вдруг слышалось:

— Сколько населения в Одессе?

Зубрицкий называл точную цифру по последней переписи.

— А какой день недели был первое января тысяча девятьсот девятноста девятого года?

Следовал безошибочный ответ.

— Пожалуйста, вот господин просит, умножьте тысячу триста сорок три на семьсот одиннадцать.

Проходило менее полминуты — и Володя уверенно называл шестизначную цифру.

Что это — цирковой трюк?

Нет. Володя Зубрицкий действительно обладал невероятными способностями, огромным, не по годам, запасом сведений и фантастической памятью.

газинов. В городе говорили о нем как о чуде природы. Зубрицкий и в самом деле был удивительным мальчиком. Красиво, на французский манер, одетый, с длинными, ниспадающими на плечи волосами, он стоял на возвышении посреди цирка и отвечал на вопросы зрителей.

Тогда же на эстраде выступала «ясновидящая» Люция. Этой маленькой девочке завязывали глаза, и она так же отвечала на различные вопросы, которые задавал ей из зала взрослый партнер. Он спрашивал Люцию, возле кого он остановился, как имя дамы, около которой он находится, что за предмет ему протянули и

какой номер ассигнации в руках у господина. На все вопросы давался точный ответ.

Номер Люции также имел большой успех, хотя и несравнимый с выступлением Володи Зубрицкого. Кто-то и впрямь верил в «ясновидение» юной Люции. На самом же деле это был лишь результат долгой тренировки. Номер этот достаточно теперь известен в советском цирке и носит название мнемотехники. Секрет его построен на условной сетке с обозначением цифр, понятий и слогов, передаваемых партнером из зала условными словами или комбинацией их. Конечно, такой номер требует хорошей памяти и серьезной подготовки, и тут Люция заслуживала признания, но к поразительному дару Володи Зубрицкого это никакого отношения не имело.

Зубрицким не только восхищались зрители Одессы и других городов. Его дарованием заинтересовались крупнейшие русские ученые И. П. Павлов и В. М. Бехтерев. Из Зубрицкого, наверно, мог бы выйти большой математик или вообще настоящий ученый. Но антрепренеры платили родственникам хорошие деньги, и Володю эксплуатировали нещадно.

Мне неизвестно, как сложилась его судьба в дальнейшем. О Зубрицком я потом ничего не слышал. Но obviously «феномены» кончали плохо. Измотанные и измученные, они потом уже не были способны ни на что.

Какое счастье, что в нашем государстве невозможна подобная эксплуатация детей...

Требовательная Одесса была ко мне милостива. Появилась даже заметка в «Одесском обозрении» о нашей программе, а в ней несколько лестных слов в мой адрес. Я много раз перечитывал эти строки, окончательно убежденный, что стал знаменитым.

Я снова дома

Наверно, если бы не пришло приглашение из Киева, я на свой риск сам отправился бы туда. Ведь только манеж и репетиционные часы связывали теперь нас с Жоржем. Жили мы теперь отдельно. Ему, наверно, так было удобней, а мне хоть и тоскливо, но спокойнее.

К счастью, ответ из Киева долго ждать не пришлось. Агент просил выслать доверенность на заключение контракта.

Настал день — мы прощались с гостеприимной Одессой.

Поезд на Киев уходил вечером. Всю ночь на полке я не сомкнул глаз. Не верилось — неужели утром я сойду на знакомом вокзале и увижу родной город?..

Не знаю, как я удержался, чтобы не побежать с вокзала прямо домой. Необходимо было сначала узнать в цирке, когда мы начинаем работать, доставить туда рекевизит, договориться о квартире. Освободился я лишь к вечеру.

И вот я стоял перед домом, где прошло все мое детство. Никого я не встретил из старых знакомых, пока шел сюда. А вдруг и наших уже нет? Что, если отца забрали на войну, а семья его куда-то уехала и я навсегда потеряю их след? Что, если дверь мне откроет совершенно незнакомый человек и спросит, что мне здесь нужно?

Не сразу я решился постучаться.

Но вот послышались шаги и дверь отворилась. На пороге стояла моя мачеха. Она, наверно, хотела спросить, кого я хочу видеть, но я молчал, и она невольно отступила, как-то неуверенно и тревожно вглядываясь в мое лицо, а потом вдруг, будто испуганно, воскликнула:

— Юзеф?!

Все получилось не так, как ожидал я. Вытирала слезы и всхлипывала мачеха. А отец был растерян, обнимал меня и, отстранив, разглядывал, словно не верил, что

Удача на первых порах сопутствовала мне, и небо казалось безоблачным. Однако это было не совсем так. На горизонте собирались тучи. День ото дня я чувствовал себя все неуверенней.

Дело в том, что с некоторых пор мой товарищ и партнер Жорж стал попивать. Началось это еще в труппе Виноучи, но тогда замечалось редко. Теперь же, получив свободу и не стесняясь меня — ведь я был младшим, Жорж начал терять над собой контроль. Сперва он выпивал только после представления, но потом стал появляться нетрезвым и до нашего выхода на сцену. Понятно, что я волновался, как бы Жорж не сделал что-нибудь не так и не сорвал номера. Слов нет, это не могло не мешать исполнению трюков.

Не знаю почему, может быть, из-за поведения Жоржа, а возможно, попросту пришло время, но я вдруг начал скучать по Киеву, который оставил вот уже четыре с лишним года. Особенно я затосковал по отцу. Ведь он, наверно, думает, что меня нету в живых. Мне стали вспоминаться дни раннего детства: игра в «разбойники», беготня по дворам... С новой силой потянуло на берег Днепра, на вершину Владимирской горки, к вишневым садам Александровской слободы. И еще было сладко представлять себе, как я однажды, рослый и прилично одетый, вхожу в наш дом. Никто меня сразу не узнает. Потом мачеха падает в обморок, отец плачет, а мой сводный брат — мне почему-то думалось, что он несколько не вырос, — окаменелый от удивления, стоит с открытым ртом.

Я до того взбудоражил себя, что не выдержал, написал письмо в Киев известному театральному агенту. Приложил к письму рецензию на наш номер, вырезку рекламы из газеты и фотографии и стал ждать.

Этот молодой человек в модной тройке — его сын. А мой брат, оказывается, вымахал еще выше меня ростом и совершенно вылезал из формы гимназиста старшего класса. Он смотрел на меня как на незнакомое человека.

Когда все понемногу пришли в себя и уже сидели за самоваром, отец стал рассказывать, как он был встревожен тем, что я исчез из дому. Ходил заявлять в полицию, требовал в цирке, где обо мне не имели понятия, чтобы ему вернули сына. Вздвонованы были и в гимназии. Директор попал в неудобное положение, ведь я ловко провел его столь примитивной подделкой — заявлением, написанным почерком, не имеющим ничего общего с отцовским. Конечно, мой приятель Николай Авдеенко, придумавший этот ловкий фокус, помалкивал. Ему бы досталось на орехи.

— Ай, ай, как же ты мог... Как ты мог, — сокрушенно качал головой отец.

Он сильно постарел за эти годы, и я с горечью понимал, что в том была и моя вина.

— Хоть бы открыточку бросил, — вздыхала мачеха. — Все спокойнее. Вон какая война идет. Что и думать — не знали.

Она, видно, совсем забыла о том, как относилась ко мне, когда я жил дома.

Не к чему было напоминать о прошлом. Я сказал, что стану теперь выступать в Киеве. Постараюсь побыть тут подольше.

Отец настаивал, чтобы я жил у них. Того же хотела и мачеха, но я объяснил, что представления заканчиваются поздно, около полуночи, и я стану всех беспокоить. Словом, под всякими убедительными и не очень убедительными предложениями я, стараясь не обидеть стариков, отказался от их гостеприимства. С домом было покончено навсегда, как никогда раньше мне это ста-

ло понятным именно в день возвращения. Я уже свыкся с кочевой жизнью артиста, и, пожалуй, ничто мне ее теперь не могло заменить.

— Я знал, я знал, что ты жив, — бормотал отец. — Я верил, что ты вернешься... И вот дождался.

Потом они всей семьей побывали в цирке на представлении, в котором я участвовал. Когда шел наш номер со столами, они, замерев, следили за моими движениями, а когда я, благополучно закончив баланс, прыгнул вниз — отец смахнул слезу.

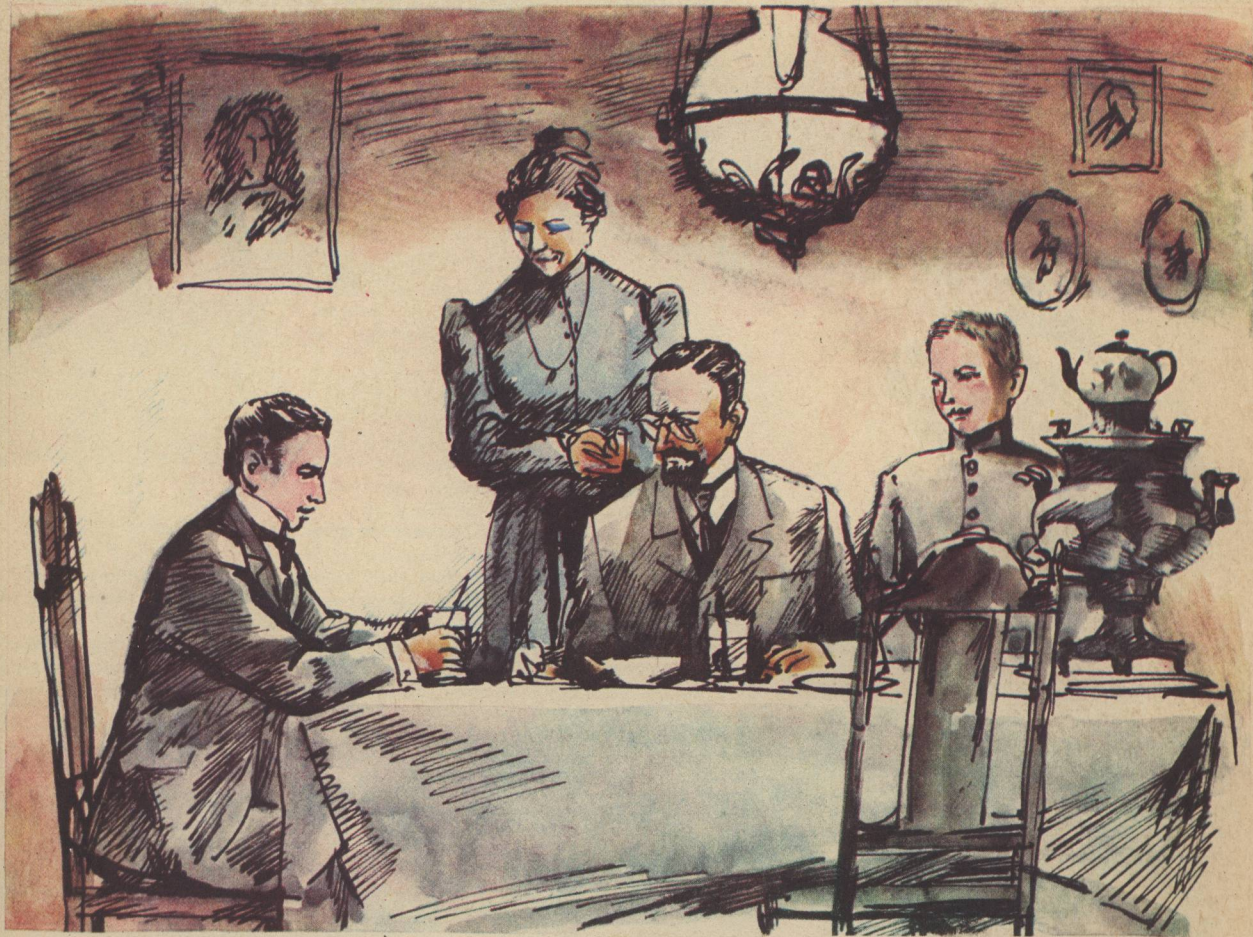
Все как будто складывалось для меня хорошо. Вот я и вернулся, побывал в семье. Я выступаю на манеже того самого цирка, откуда когда-то был изгнан неизвестным служителем. Я приглядывался, искал среди служащих того дядьку — хорошо бы ему напомнить этот эпизод. Но того усача в цирке, видно, уже не было.

Жорж в номере был комиком, да еще изображал подвыпившего официанта, и публика ничего не замечала. Но одно дело играть пьяного, а другое — при исполнении номера быть нетрезвым на самом деле.

Были среди артистов такие, которые утверждали, что без рюмки-другой у них не будет настоящего подъема и публика от этого только проиграет.

Но если в театре алкоголик прежде всего враг самому себе, то в цирке нетрезвое состояние акробата, гимнаста или даже ассистента номера может стать причиной увечья кого-либо из участников группы, если не его гибели.

Как ни жаль было мне Жоржа, как ни горько терять товарища, с которым я вместе начал самостоятельный путь и который так помог мне, пришлось нам разойтись.

Цирк в Киеве посещался, как и везде в это время, хорошо. Бывало, что называется, яблочку некуда упасть. Все будто пока складывалось ладно, если бы... Если бы не Жорж.

Он продолжал пить. Я пытался с ним говорить, и он не раз обещал мне держать себя достойно, но обещания скоро забывались и все начиналось сначала. Случалось так, что он не являлся на дневные репетиции, и тогда приходилось вечером отменять наш ручной акробатический номер, потому что я уже не мог быть уверен в партнере. Баланс я, конечно, исполнял. Ведь

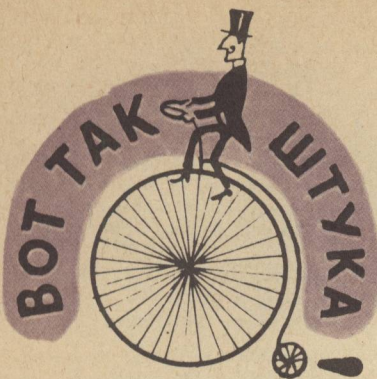
В Киеве я расстался с Жоржем.

Не знаю, что с ним было дальше. Много позже до меня дошел слух, что он уехал за границу. Ведь Жорж был итальянским подданным.

Приближались бурные революционные события. Повсюду, даже за кулисами цирка, слышались слова: «Ленин, большевики». Они внушали надежду на будущее, и я, как ни был молод, стал задумываться над тем, как сложится моя судьба дальше, какие ждут меня испытания.

Наступало грозное время борьбы за новую жизнь.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Всемирное обозрение
всяческих технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств
ВЫПУСК ВОСЬМОЙ

Кто в шахте тушит пожар

Метан — взрывоопасный газ. В шахтах, чтобы не скапливался метан, используют мощные вентиляционные установки. Но это создает другую опасность. В мельчайшие щели старых выработок проникает много воздуха, и уголь, окисляясь, может сам собой загореться.

Ученым известны бактерии, питающиеся метаном. Они обитают в воде, в земле и в воздухе. Но почему-то в горных выработках бактерии не желали быстро размножаться. И все же ученые Института горной механики Академии наук Грузинской ССР заставили бактерии поселиться в шахтах. Новые, выведенные учеными активные группы бактерий стали надежными помощниками горняков.

Бактерии питаются метаном и вырабатывают плотную пленку, которая покрывает уголь и не дает ему окисляться.

Геологам в помощь

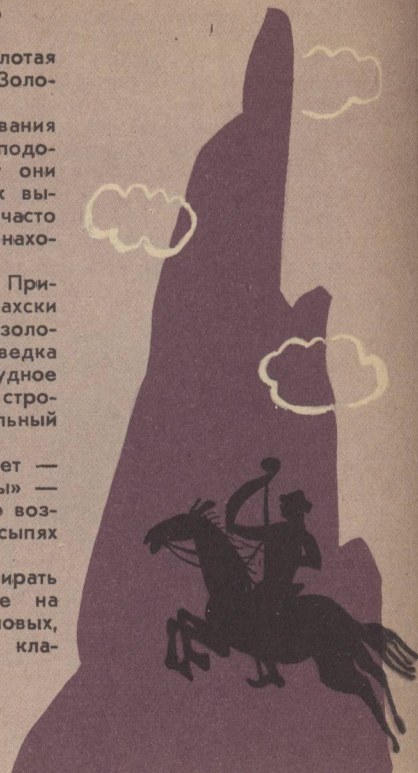
Что такое «Алтынтау»? «Золотая гора». Что такое «Алтынсу»? «Золотая вода».

Древние казахи, давая названия рекам, горам и долинам, и не подозревали, какую добрую услугу они окажут будущим геологам. Как выяснилось теперь, эти названия часто указывают, что в этом месте находятся полезные ископаемые.

Название одного из районов Прииртышья «Бақырчик» по-казахски означает ковш для промывки золота. И верно, геологическая разведка в этом районе обнаружила рудное месторождение. Сейчас здесь строится крупный горнообогатительный комбинат.

Название «Ақтуз» подсказывает — здесь может быть соль, «Борлы» — мел. Другие названия говорят о возможных залежах угля или россыпях камней.

Казахские ученые начали собирать такие названия, не отмеченные на картах. Не говорят ли они о новых, еще не открытых природных кладах?

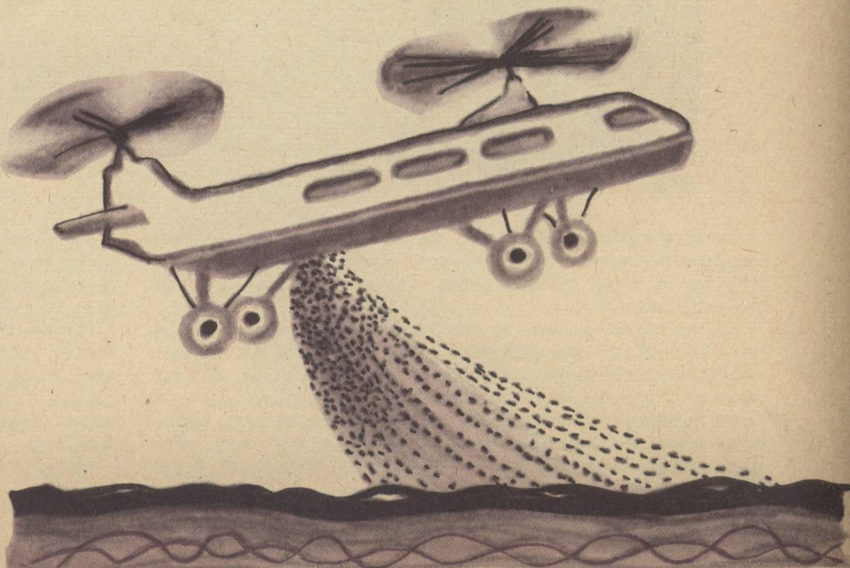

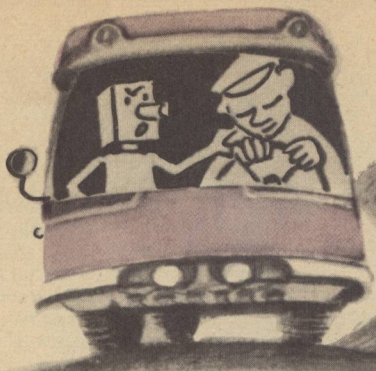
Нефть разлилась по воде

Есть несколько способов очистки воды от нефти, разлившейся в результате морской катастрофы. Недалеко от голландского порта Хук ван Холланд испытан еще один. Разлившуюся нефть посыпали песком, смешанным с особым химическим со-

единением. Капли нефти стали прилипать к песчинкам и вместе с ними опускались на дно.

Таким образом за сорок пять минут с морской поверхности удалили около ста тонн плавающей нефти.

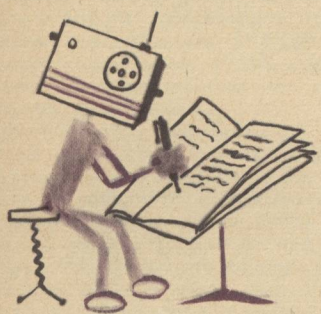

Устал шофер...

Очень полезный прибор сконструировали сотрудники лаборатории кибернетики Сегедского университета в Венгрии. С помощью особых датчиков и миниатюрной электронно-вычислительной машины этот прибор зорко следит за водителем автобуса.

В долгих междугородных рейсах водитель нередко сильно устает. Когда усталость станет чрезмерной, прибор сразу даст предупредительный сигнал: остановись! нельзя дальше ехать! Если же водитель не обратит внимания на сигнал, то прибор сам выключит систему зажигания в двигателе, и автобус остановится.

Листая радиогазету

Еще на заре радиовещания родилось выражение «Радио — газета без бумаги». А теперь появилась радиогазета на бумаге.

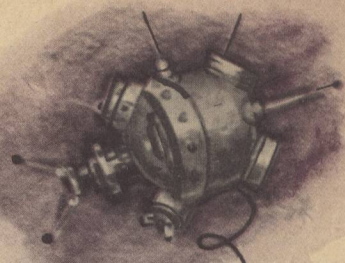
Не всегда человеку удастся послушать нужную ему передачу. Новое устройство японских инженеров записывает на широкий бумажный лист нужные тексты радио- и телевизионных передач. Выбери свободную минуту и листай радиогазету.

И это могут собаки

По утрам у ворот швейцарских ферм и молокозаводов не гудят машины, не цокают копыта лошадей. По утрам у ворот ферм и молокозаводов раздаётся: «Гав! Гав! Гав!»

Это специально обученные собаки привезли на тележках бидоны с молоком.

Умные собаки аккуратно выполняют свои транспортные обязанности.

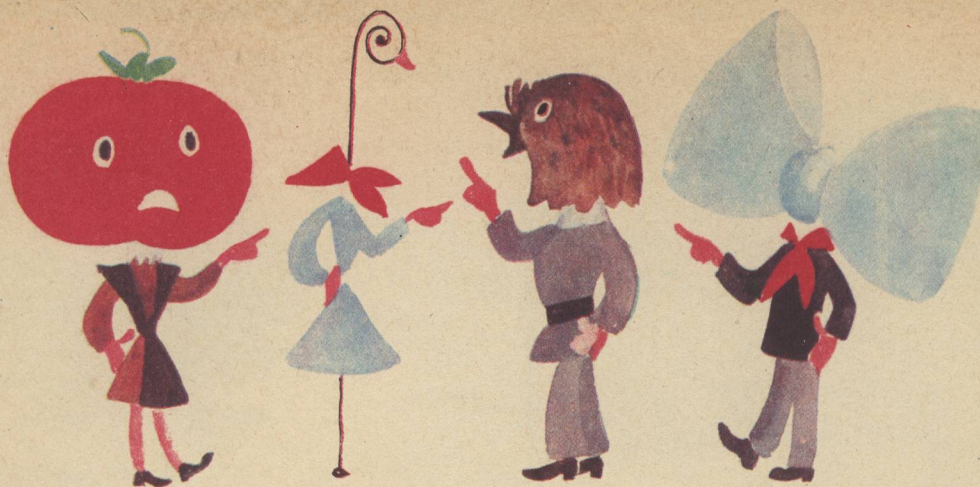

Лосиха и спутник

В национальном заповеднике штата Вайоминг (США) спящей лосихе надели ошейник, снабженный научными приборами.

Сорок четыре дня метеорологический спутник «Нимбус-3» будет следить за лосихой и всем стадом, состоящим из семи тысяч голов. По запросу со спутника дважды в сутки, примерно в полночь и в полдень, от приборов в ошейнике будет передаваться информация о температуре воздуха и температуре тела животного, а также о том, куда движется стадо.

Эти сведения помогут лучше узнать, как живут лоси.

Владимир Торопьгин

Рисунки И. Казаковой

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

В 5-м «б» вошло в привычку, —
очень странная она:
отзываются на кличку —
позабыли имена!

Скажешь Рябчикову: «Витя!» —
он решит: других зовут...
Ну, а — «Рябчик!» — позовите —
Витя сразу тут как тут.

Помидоровой Татьяне
скажешь: «Таня!» — Тишина...
«Помидора!» — крикнешь — станет
вмиг внимание она.

Коля — «Бантик»,
Катя — «Чудик»,
Лена Струнина — «Струна»...

Удивительные люди:
позабыли имена!

БЫЛ СБОР КАК СБОР

Был сбор как сбор:
вещал Егор.

Достойных ставил он в пример,
ругал всех беззаботных.
Был сбор на тему: «Пионер,
учись любить животных!»

И зал ему не возражал...
Вдруг по ногам девочек
котенок к сцене пробежал,
пушистый котенок...

Зашевелился сразу зал,
повеселел немножко,
докладчик грозно приказал:
— Убрать отсюда кошку!

Наташа дальше всех была,
но, встав, без разговора,
она Пушистика взяла
и с ним ушла со сбора...

Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА

ДЕЛО ВСЕСВЕТНОГО ПРОЛЕТАРИАТА

В мае этого года исполняется сто лет с того дня, как рухнула последняя баррикада Парижской коммуны — на улице Рампонно, невдалеке от кладбища Пер-Лашез.

Почти за полвека до Октября впервые в человеческой истории народ попытался создать государство, хозяевами в котором были бы не те, у кого много денег, а те, кто своим трудом создает все, что нужно людям для жизни. Владимир Ильич Ленин говорил: «Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно».

Весной 1871 года рабочие разных стран впервые выступили как братья и товарищи по борьбе.

В книге Даниила Гранина «Генерал Коммуны» вы прочтете о замечательных бойцах «всесветного пролетариата», сражавшихся в рядах парижских коммунаров, о легендарном предводителе революционных войск Ярославе Домбровском.

Герой Польши Домбровский был другом и соратником русских революционеров. Его жизнь — цепь удивительных подвигов и приключений. Когда вы начнете читать книгу Гранина, вам будет трудно от нее оторваться. Тем более что рядом с Домбровским в книге живут еще и другие очень интересные и очень разные люди — да, да, именно живут! — мужают, проходят через испытания, совершают героические поступки.

Эта книга напечатана в 1970 году издательством «Детская литература»

с отличными иллюстрациями художника А. Сколзунова.

В розоватых отблесках пожаров оживает на страницах книги Париж — великий город в великие дни.

А. Лосев

СДЕЛАЙТЕ ВЕСЕЛОЕ ЛИЦО...

Книгу с таким названием написал Валерий Владимирович Медведев, тот самый, что еще раньше сочинил «Баранкин, будь человеком!»

О чем эта книга? О похищении школьника Алексея Завитайкина, о крупном денежном выкупе, который неизвестное лицо предложило его родителям оставить в сторожке на старом кладбище... О сообщниках злоумышленника. О брате-двойнике. О собаке. И, наконец, о том, во имя чего вершатся героические, а иногда и глупые дела — о любви...

Но это только одна повесть из этой книги, Другая повесть о том, как сбежал в Антарктиду, к своему отцу, полярному летчику, очень самостоятельный и целеустремленный мальчик Женя Ерохин. Правда, до Антарктиды он не добежал...

Есть в этой книге и другие истории. Но самое, пожалуй, занятное — комедия, в которой известные всем Юра Баранкин и Костя Малинин превращаются в воробьев. Чудесная, удивительная и даже поучительная история... Комедию эту можно и просто читать, можно и на сцене играть.

Только не вздумайте всерьез воспринимать волшебную инструкцию по превращению в воробья. Иначе станете на самом деле — чирик-чирик! — воробьями и тогда уж не сможете прочитать всю эту веселую книжку от корки до корки и узнать

обо всем, о чем мы здесь за неимением места не смогли даже упомянуть.

О. Орлов

ЕСТЬ О ЧЕМ ПОДУМАТЬ

Жил в Ленинграде Саня Горохов, и сначала ужасно ему не везло: ребята в классе всегда его задевали — и оттого, что он все молчит, и оттого, что уж очень смирный.

Вот учитель предложил ребятам написать сочинение на тему «Лучший день моей жизни». Саня вспомнил и написал о том, как летом, за городом, прошел он однажды через поле, через лес, увидел конюшню, там были чудные лошади, он даже верхом прокатился, были с ним и другие приключения в этот день. Вспомнил, как мама тогда переволновалась, и он остро ощутил, как много она значит для него, почувствовал, что не существует он сам по себе, и хоть это трудно объяснить, но все со всем связано...

В сочинении оказалось много ошибок, и все же учитель сиял, потому что Саня в сочинении написал такое, что действительно на душе носил...

Пожалуй, лучшее в книге — повесть «Набережная Фонтанки» — о первой любви и о первых стихах, о том, как все это замечательно.

Рассказы и повести в этой книге могут некоторым показаться отрывочными, даже неоконченными, но автор вовсе не стремится все разжевать и в рот положить. Он хочет, чтобы читатель задумался над прочитанным. Пусть иногда и сам пофантазирует, что могло быть дальше.

Книгу эту написал ленинградский писатель Валерий Попов. Называется она «Все мы не красавцы».

С. Тхоржевский

Что такое земля? «Кладовая полезных ископаемых», — ответит геолог. «Планета солнечной системы», — добавит астроном. «Наша кормилица», — уточнит земледелец. Мы, строители, ответим по-своему: «Земля — это грунт».

Грунт (в этом легко убедиться, глядя на речные обрывы) напоминает слоеный пирог: один слой твердый, другой помягче, третий совсем мягкий. Таких слоев в любых комбинациях может быть великое множество, а для строителей важен и нужен один: твердый. Этот нужный слой иногда находится глубоко под почвой. Приходится рыть глубокие котлованы, откачивать насосами грунтовые воды, увеличивать расход дорогих строительных материалов.

А что такое свая? Сваи пользовались еще древние люди. Бревно, обтесанное каменным топором и заостренное огнем, как надгоревшая спичка, — вот что такое первая свая.

Археологи обнаружили свайные поселения, устроенные в третьем-четвертом тысячелетиях до новой эры. Даже в те дальние годы человек, вооруженный примитивным инструментом, мог бы построить свое жилище на каменном фундаменте. Но для этого ему нужно было бы перетаскивать глыбы, долго обтесывать их и пригонять друг к другу. Куда проще заострить древесный ствол и забить его в грунт!

Прошли века. Люди научились обрабатывать камень, открыли вяжущие материалы, изобрели подъемные механизмы.

И все-таки все большее и большее число жилых домов возводится в наши дни на свайных фундаментах.

На строительной площадке, рядом с котлованом, в аккуратном штабеле лежат остроконечные бруски из железобетона. Длина их превышает человеческий рост в восемь раз.

Так изменилась свая.

Перед деревянной родственницей у нее громадные преимущества. Во-первых, она выдерживает куда большую нагрузку; во-вторых, экономит ценный материал — дерево. И еще одна особенность: железобетонная свая не боится колебаний уровня грунтовой воды. И еще: с каждым годом эксплуатации она становится все прочнее.

Есть сваи бетонные, стальные. Квадратные, крестообразные, круглые, прямоугольные, многоугольные. Их не только забивают, но и завинчивают в грунт и тогда так и называют — винтовыми. Винтовые сваи способны нести большую нагрузку, чем обычные, потому что их лопасти — дополнительная опора. Такие сваи незаменимы при строительстве радиомачт. Раскачиваясь от ветра, радиомачта то вдавливают, то старается вырвать сваю, однако свая держится крепко, как шуруп.

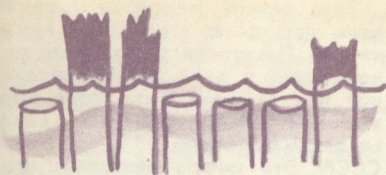
Есть сваи-оболочки, трубы диаметром до пяти метров, они погружаются в грунт мощными вибраторами. Есть сваи, которые делают прямо в грунте, — бурят скважину и тут же заполняют ее бетоном. Буровые сваи бывают длиной более полукилометра и диаметром более пяти метров!

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СВАЕ

*И. Доминак и
О. Ярошевский*

Оформление А. Януса

К середине 1919 года восьмизатное здание склада в Чикаго, построенное в 1872 году, неравномерно просело в грунт. На стенах появились

зигзагообразные трещины. Строители вскрыли фундаменты и стали свидетелями очень интересного явления. Здание стояло на мощных деревянных сваях, но верхушки их были гнилыми. Обратили внимание на то, что уровень грунтовых вод в городе понизился именно до той черты, до которой сгнили сваи. Древесина, погруженная в мокрый грунт, осталась невредимой. В воде-то дерево не гниет!

И все это, однако, свая. Остроконечный брус, погружаемый в грунт. Кроме материала и формы, он ничем не отличается от заостренного бревна древних людей. Все сто с лишним типов свай, несмотря на их отличия, только развивают мысль, рожденную в каменном веке.

Неужели за шесть тысячелетий человек не смог изобрести что-нибудь более совершенное?

Вот к свайному штабелю подползает кран и наклоняет свою длинную шею. Рабочий-стропальщик продвигает трос сквозь петли на свае, прикрепляет его к крюку. Кран передает сваю копру. Копер, говоря упрощенно, — вертикально поставленная штанга, по которой вверх и вниз скользит двухтонная болванка. Вверх ее поднимает с помощью троса электромотор, вниз — на верхушку вер-

тикально стоящей сваи — она падает под тяжестью собственного веса. Забив одну сваю, копер передвигается для забивки следующей по рельсам. Когда работа с одним рядом свай закончена, рабочие передвигают и рельсы. Рабочих на строительной площадке немного — шесть, восемь.

Наблюдая за стройплощадкой, мы восхитимся почти полным отсутствием ручного труда, сильными машинами, точным методом забивки. Мы поразимся скорости, с которой современный копер забивает многотонные сваи. И все же внимательного наблюдателя охватит некоторое недоумение. «Как же так, — подумает он, — человечество овладевает атомной энергией, запускает в космос ракеты, строит сверхмощные электростанции, а сваи погружают в грунт дедовскими способами? Ведь копер, хотя и

В 1934 году, в Мехико-Сити, в Мексике, был построен Музей изящных искусств. Крепкий песчаный грунт находился в пятидесяти трех метрах от поверхности земли, а выше располагались слои пористого вулканического пепла. Рыть такой глубокий котлован — немислимое дело, и строители решили возвести музей на вулканическом пепле, положив под здание мощную железобетонную плиту.

Но здание стало погружаться в землю, точно получивший пробоину корабль в пучину океана. Грунтовый слой, на котором лежала плита, в разных местах имел различную плотность, и массивная железобетонная плита треснула!

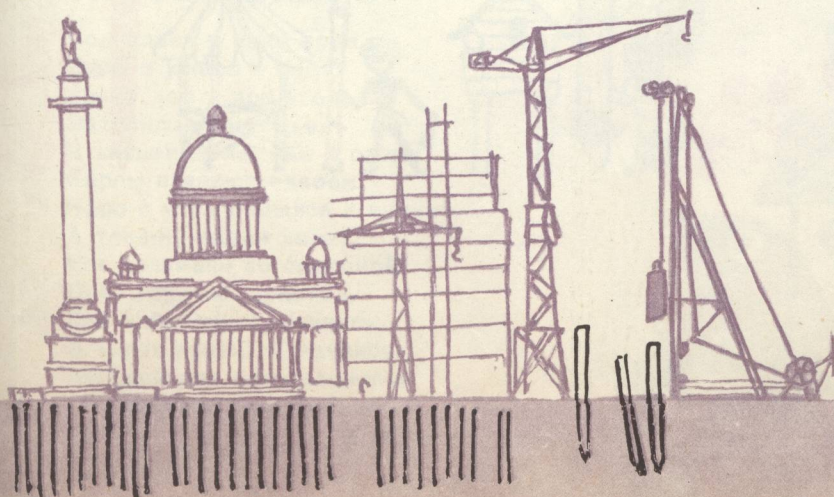

Примерно в те же годы рядом со зданием Музея изящных искусств был построен сорокачетырехэтажный небоскреб Латино Американо Билдинг, вес которого во много раз превосходил вес музея. Однако с небоскребом ничего не произошло, он стоит и по сей день, а осадка музея продолжается со скоростью 5 миллиметров в год. Весь секрет в том, что небоскреб стоит на 53-метровых сваях, которые упираются в плотный песчаный слой.

Исаакиевский собор, здание-гигант, стоит на двадцати четырех тысячах деревянных свай, забитых на очень близком расстоянии друг от друга. Без свай собор невозможно было бы построить из-за зыбких грунтов.

Памятник на Дворцовой площади — Александровская колонна — весит 650 тонн. Только 1250 свай в состоянии его удержать.

Да, в общем, и весь Петербург вознесся «из топи блат» на сваях. Многие исторические здания Ленинграда, бастионы Петропавловской крепости, гранитные набережные Невы стоят на сваях. На деревянных сваях. Только гениальное изобретение может дать жизнь целому городу!

Оказывается, сваи, погруженные современным методом,

На правом фланге фронта находились непроходимые Полесские болота, на левом — местность, вполне пригодная для действий пехоты и танков, но здесь проходила сильная оборонительная линия противника. Было очень заманчиво нанести удар правым флангом, через болота.

Утром 24 июня в болотную воду с деревянными колотушками в руках

Когда немцы спохватились и стали обстреливать болота, было слишком поздно. Танки уже крушили их оборону...

К буровым сваям строители тоже относятся с недоверием: трудно определить, не перемешалась ли бетонная смесь с грунтом?

Будущее свай предсказать трудно. Из каких материалов ее будут изготавливать? Какой способ погружения признают наилучшим? Не заменят ли сваю чем-нибудь другим?

Оглядываясь на историю, почти невозможно найти в ней проверенное жизнью изобретение, от которого люди отказались бы навсегда. Каменный топор заменялся бронзовым и железным, но продолжал оставаться топором. На смену гусиному перу приходило стальное, потом появлялась авторучка, но этот предмет был лишь усовершенствованием точенной палочки, которой писали на глиняных табличках. На наших письменных столах вместо керосиновых ламп горят электрические, но и та и другая — прямые потомки старинного светильника. Колесо повозки диких кочевников является прообразом современных замысловатых шестеренок и турбин. Какие бы техниче-

Зона вечной мерзлоты и по сей день доставляет строителям немало хлопот. Постройки часто приходят в негодность и даже разрушаются весной или осенью, когда грунт оттаивает или замерзает. Вечная мерзлота занимает около 50% территории СССР! Эта цифра позволяет представить всю серьезность проблемы.

И здесь приходят нам на помощь свайные фундаменты. Летом в Заполярье земля оттаивает аглубь всего на метр, а ниже — слои грунта, навечно замерзшие. Если пробурить в них скважины и заморозить сваи, мы получим достаточно прочный фундамент. На таких фундаментах строятся здания наших северных городов.

кие революции ни бушевали на планете, человечество бережно сохраняет свои открытия и только поэтому может двигаться вперед.

Сваи поддерживают атомные реакторы и применяются на ракетодомах.

Может быть, даже обживая другие планеты, человек не сможет обойтись без свай, как не смог обойтись без нее его далекий предок из каменного века.

Нынче в гостях у Уголька Балдырган. Кто такой Балдырган? Сказать точно нельзя. Но если перевести на казахский язык слово «мурзилка», то примерно получится «балдырган». Писатель Сырбай Мауленов рассказывает о том, каким был в юные годы любимый герой казахского народа Амангельды. Поэт Музафар Алимбаев познакомит нас с незадачливым мальшом.

Вот какие подарки прислал нам из Казахстана детский журнал «Балдырган».

НА ОХОТЕ

В юные годы Амангельды вместе с охотниками-мергенами исходил всю необъятную Тургайскую степь.

Однажды на зорьке Амангельды подкарауливал сайгаков у водоёма. Вдруг появилась сайгачиха с двумя козлятами.

— Ну, стреляй, молодой мерген! — сказал старый охотник Сырымбай. — Первый выстрел твой.

— Не поднимается рука, — ответил Амангельды, — жалко козлят.

В это время показался волк. Старый опытный разбойник бесшумно крался по ложбинке.

— Вот теперь можно стрелять, — шепнул Амангельды и нажал на курок. Волк перевернулся через голову, а испуганные сайгаки мигом взлетели на высокий берег реки.

— Хорошо сделал, — воскликнул старый охотник, — хоть ты и мал, а справедлив. Будь же всегда таким.

Сырбай Мауленов

Амангельды Иманов — национальный герой казахского народа, предводитель народного восстания 1916 года.

1

ЛИСЬЯ БЕДА

Поднялась в реке вода.
Лисы в ужасе — беда!
Лисий дом и все уголья
Затопило половодье.
В лисьем доме, как в своем,
Карпы плавают вдвоем.
Карп с утра помылся в ванной.
А теперь, надев халат,
Ест пельмени со сметаной,
Пьет горячий шоколад.
Лис и Лисонька, отчаясь,
В лодке плавают, качаясь.
Каждый раз одни волненья!
Им приносит наводненье!

В. Уфлянд

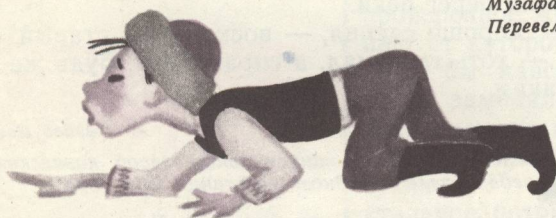
2

А КАК ПРАВИЛЬНО?

Малыш уселся за столом
И стал писать о том, о сем:
В горах судак,
В седле сайгак,
Ползет джигит,
Змея бежит.
Куда же ты, змея, бежишь?
Все это чушь! — решил малыш.
Джигит в реке,
Судак в песке,
Сайгак плывет,
Орел поет.
Опять не так. Все это вздор.
Орлы не пели до сих пор.
Орел в реке,
Джигит в песке,
Змея поет,
Наоборот —
Змея летит,
Плывет джигит,
Поет сайгак —
Опять не так.
„Во всем повинен этот стол“, —
Сказал малыш и в сад ушел.

Музафар Алимбаев
Перевел М. Еремин

2

МЯСО

БУЛОЧНАЯ

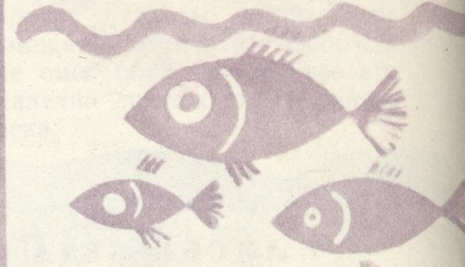
РЫБА

О НЕСЧАСТНЫХ КОШКАХ

Все коты из Мясных Магазинов,
над котлетами в лютой тоске
ярко-красные пасти разинув,
размышляют о свежей треске.
Ну, а кошки, живущие в Рыбном,
в ожидание котлет непрерывном,
отвернувшись от свежей трески,
то же самое — сохнут с тоски.
Всех несчастнее серый котенок
между слоев и булок-плетенок:
ни трески, ни говяжьих котлет,
к сожалению, в Булочной нет!

Н. Слепакова
Рисунки И. Казаковой

4

Главное занятие биченкоков — почта, — начал Почтарик свой очередной рассказ. — Страсть к переписке в крови у биченкоков. Не успел биченкок родиться — его заворачивают в конвертик. Чуть подрос — покупают игрушечный почтовый ящик. Научился ходить — посылают опускать письма. Овладел грамотой — и пошла писать губерния! Биченкок переписывается со своим соседом по парте, с сидящим в затылок, наискосок, в соседнем ряду, в соседнем классе и т. д. и т. п.

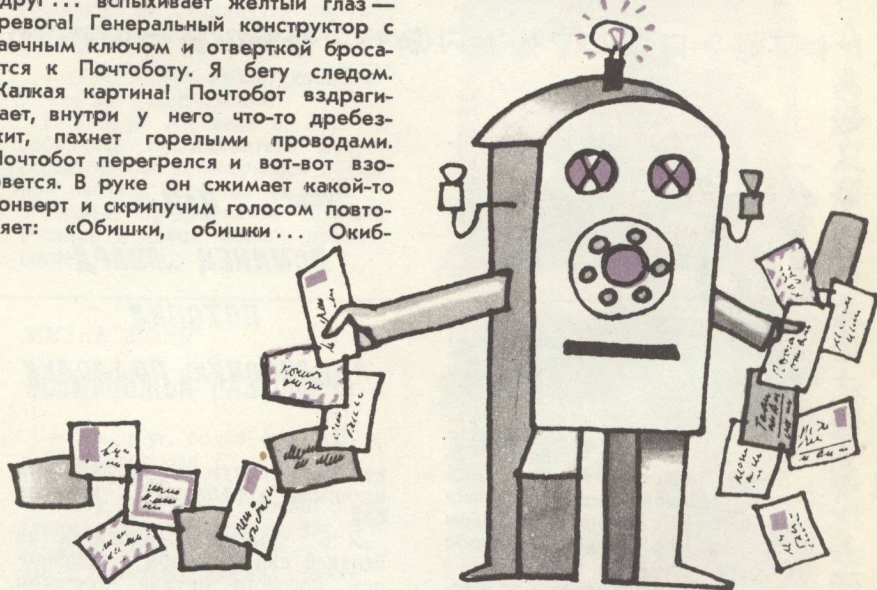
Я оказался невольным свидетелем того, как на главном почтамте шла отладка робота-Почтобота. Его научили принимать, сортировать, адресовать и рассылать письма, а также разрезать, штемпелевать и заклеивать конверты... И вот, наконец, все готово. Почтобот сверкает никелированными доспехами, мигает зелеными и красными лампочками, гудит и ждет первой партии писем.

Грянул сводный биченкокский гимн: Мы биченкоки, тру-ля-ля, Нашей почтой полна вся земля! Мы биченкоки, Что нам уроки! Сначала письма. А уроки — опосля!..

Генеральный конструктор Почтобота нажимает розовую кнопку. Гром аплодисментов! Вспышки блицев! Письма плывут по транспортеру, точно по реке. Почтобот, как заядлый картежник, тасует их железными пальцами. Мелькают конверты и вдруг... вспыхивает желтый глаз — тревога! Генеральный конструктор с гаечным ключом и отверткой бросается к Почтоботу. Я бегу следом. Жалкая картина! Почтобот вздрагивает, внутри у него что-то дребезжит, пахнет горелыми проводами. Почтобот перегрелся и вот-вот взорвется. В руке он сжимает какой-то конверт и скрипучим голосом повторяет: «Обишки, обишки... Окиб-

ши...» Мы переглядываемся. Конструктор дергает рубильник. Желтый глаз гаснет. Из руки Почтобота выпадает письмо. Мы читаем: «Дорогие биченкоки! Посылаю вам свой рисунок из кенофильма тристо спортсменов. У меня прозвба...»

Конструктор хлопает себя по лбу. «Все ясно! — восклицает он. — Мой Почтобот запрограммирован на абсолютную грамотность! Как я мог совершить такую биошку! То есть кобишку! То есть обишку! Тьфу, ошибку, я хотел сказать!..»

Дорогой Вадим! Я с тобой совершенно согласен: она здесь ни при чем. Что и говорить, поручение не из приятных. Наверно, справедливее выполнять его по очереди, как ты думаешь? А вообще я уверен: необходимость в рапортчиках исчезнет. Думаю, это произойдет уже в нашей эре.

Почтарик

ника Георгия Васильевича Ковенчука нарисовать мой портрет. Прими его в подарок.

Твой Почтарик

Слава написал Тане записку: «Таня, давай с тобой дружить...» Таня ответила: «Я буду с тобой дружить, если твой друг Владик будет дружить с моей подругой Верой». Слава сообщил об этом Владике. Владик написал записку: «Я буду дружить с Верой, если ее подруга Кира будет дружить с моим другом Костей». Узнала об этом Кира. Написала записку: «Я буду дружить с Костей, если его друг Боря будет дружить с моей подругой Тоней». Узнал об этом друг Боря. Написал записку: «Я согласен дружить с Тоней, если...»

В эту минуту прозвенел звонок с урока. Увы, мы никогда не узнаем, что хотел сказать Боря...

Разговоры записал
Сергея К.

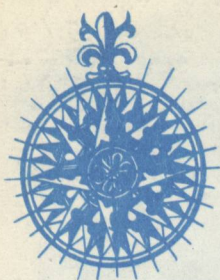

Почтарик! У нас в классе все мальчики и девочки дружат, но только одна девочка по поручению классного руководителя записывает замечания в тетрадь, которая называется у нас рапортчиком. Но я думаю, что она здесь ни при чем, раз это поручение.

Вадим Туниский

Дорогой Почтарик! В честь нашего знакомства я вам посылаю свою фотографию

Спасибо, Нина! Спасибо! Весьма тронут. Послать свою фотографию человеку — значит, выказать ему особую симпатию. Еще раз — тронут. Я попросил худож-

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

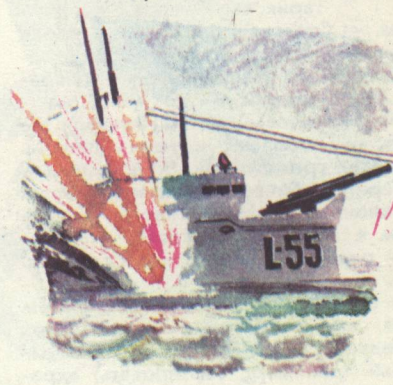

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 15-й

КАК ЭСМИНЕЦ „АЗАРД“ ПОТОПИЛ АНГЛИЙСКУЮ ПОДЛОДКУ

Павла Ивановича Жемова, старшего балтийского матроса, разыскивали морские следопыты, пионеры 5 «а» класса 411-й школы города Пушкина.

Павел Иванович служил на многих кораблях Балтфлота. В 1917 году Павел Иванович Жемов вступил в партию большевиков. Довелось ему защищать от Юденича Петроград, участвовать во многих морских боях. Рассказ Павла Ивановича записала юнкор «Морской газеты» Марина Капустина.

«...Служить на флот меня взяли в 1914 году. Шла первая мировая война. Через два года послали в экипаж эсминца «Азард». Очень хороший был эсминец — новейший, быстроходный...

В гражданскую «Азард» и эсминец «Гавриил» в Копорском зали-

ве были окружены английскими военными кораблями и приняли бой...

Я в те минуты находился на верхней палубе рядом с комендором носового орудия Степаном Боговым.

Бой начался тяжелый. Загрели падающие стреляные гильзы носового орудия, синими полосами потянули мы за собой пороховые дымы.

В это время английская подводная лодка зашла нам в тыл и успела выпустить по «Азарду» и «Гавриилу» три торпеды.

Сигнальщики заметили торпеды, и быстроходные эсминцы развернулись. Торпеды прошли по бортам и не задел нас.

Три торпеды — это более ста пудов груза, которые разом потеряла подводная лодка. А принять

балласт погружения не успела. На минуту ее перископ и часть рубки показались над водой...

Тогда Степан Богов прямой наводкой дал выстрел. Раздался огромный взрыв. Эсминец прошел неподалеку от пенившегося водоворота. Все было кончено. Подлодка затонула.

Позднее, через несколько лет, подлодку подняли водолазы ЭПРОНа. На ее рубке еще сохранился номер: «L-55». Подлодку отремонтировали, и она ходила с этим же номером, но под нашим флагом в составе Балтийского флота.

Морские следопыты! Разыскивайте участников морских сражений! Записывайте их воспоминания. Присылайте в редакцию «Морской газеты» заметки и фотографии.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

В конкурсе морских знатоков 1970 года победили: Галя Коваленко (Усть-Лабинск), Ира Смирнова (Ленинград), Катя Никифорова (Ленинград), Саша Низов (Свердловск), Витя Ефимов (с.

Ярково), Толя Репин (г. Борзя), Володя Куш (ст. Карши), Миша Розенгурт (Одесса), Сережа Семенюта (Донецк), Павлик Тарасов (Ташкент).

Все победители получают призы.

Жюри «МЗ-70» решило особым призом наградить: за аккуратность и обстоятельность ответов Галю Коваленко (Усть-Лабинск), за иллюстрации к ответам — Мишу Розенгурта (Одесса).

Школа юн

Что такое „SOS“

Об этом нас спрашивают в письмах читатели «Морской газеты».

Отвечает инженер-инспектор Регистра СССР Д. Я. Эдельман.

... Дважды в час в течение трех минут (с пятнадцатой по восемнадцатую и с сорок пятой по со-

рок восьмую) на волне 600 метров в эфире наступает тишина. Удивительная тишина... Радисты слушают: не раздадутся ли тревожные три точки, три тире, три точки.

«SOS»! Где-то гибнет корабль.

Что же такое «SOS»?

В начале XX века в Берлине собрались представители многих стран, чтобы договориться о едином сигнале бедствия на море.

Разные предлагались сигналы. Решили в конце концов принять сигнал «SOS».

А позднее, когда радисты стали пользоваться этим сигналом, все стали считать, что «SOS» — это первые три буквы английской фразы «Save Our Souls» — «Спасите наши души»...

«SOS» ничего общего с этой трагической фразой не имеет. Это просто сигнал. Но он краток и для всех понятен. И все радиостанции принимают «SOS» вне всякой очереди...

МОРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Впервые о бедствии по радиотелеграфу сообщил в эфир в 1898 году пароход «Мэттьюз», когда он

в нескольких милях от Дувра налетел на плавучий маяк «Ист-Гудвин».

«... Мы просим вас, «Морская газета», напечатать чертежи лодки. Сколько раз мы ни делали ее, а она не выходила. Тонула...»

Пионеры г. Красный Лиман

Дорогие друзья!

Ваша лодка не потонет, если вы сделаете ее по чертежам, которые приложены к книге Николая Ивановича Сладкова «Подводная газета». Книгу спросите в школьной или детской библиотеке.

Капитан Быстроходов

ЖИЗНЬ МОРЯ

ОСЬМИНОЖЬИ РАЗГОВОРЫ

— Эй, друг, ползи сюда! В зеленые водоросли.

— Приполз.

— Ну, брат, ты и рыжий! Здесь такому нельзя: неровен час, кто заметит — раз! — и съест... Ты что, в бурных водорослях гулял?

— Нет, на ржавом железном листе лежал. Да ты не волнуйся: сейчас я зеленее тебя буду!

* * *

— И зачем это вашему брату осьминогу восемь щупалец, восемь ног?

— Как зачем? А по дну ходить.

— Хватило бы двух.

— Добычу хватать.

— Ну, еще два.

— Дома строить.

— Еще три.

— Вот видишь, уже семь. А еще самое главное щупальце бодрствует, пока осьминог спит, — забыл? Лежишь, а оно шевелится, покачивается, врагов отпугивает. Вот тебе и восемь!

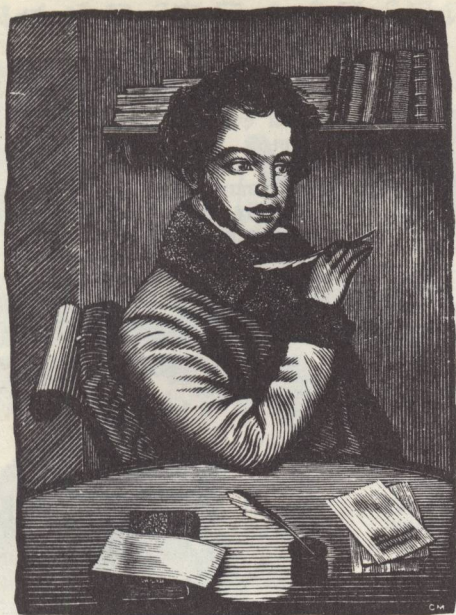
„СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ“ — ПАРХОД-МУЗЕЙ

На этом колесном пароходе весной 1897 года в ссылку в Шушенское отправился Владимир Ульянов.

Еще в судовой журнал, кроме Владимира Ульянова и прочих пассажиров, были внесены Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, О. Б. Лепешинская...

Сейчас пароход отремонтирован и все на нем выглядит так, как десятки лет назад. И сам он превратился в пароход-музей и поставлен у причальной стенки на левом берегу Енисея в Красноярске.

Юнкор Слава Прокушев,
Красноярск

Портрет молодого Пушкина

Ленинград 1945 г. Салют победы

НА ВЫСТАВКЕ КОСТРА

Сергей Михайлович Мочалов — один из старейших советских художников, великолепный мастер гравюры. Многие детские книги,

выходившие еще в довоенные времена, украшены гравюрами Сергея Михайловича.

Плодотворно сотрудничал он и в «Костре». Сегодня, как не раз бывало когда-то, «Костер» отдает С. М. Мочалову свою страницу.

Иллюстрация к книге Ю. Тынянова «Каховский»

Иллюстрация к книге М. Е. Салтыкова-Щедрина «История города Глупова»

НЕ ЗАБУДЬ!

Школа как школа. Краса и гордость коллектива — смотрят с доски почета аккуратные мальчики и девочки на самих себя; как они носят по коридору, как выкрикивают считалки и дразнилки, как порой угощают друг друга подзатыльниками. В школе целых два оркестра — духовой и джазовый. От этого на перемене тише не становится.

Школа как школа, разве что возраст у нее почтенный — 4 декабря тартуской школе № 1 исполнилось 166 лет!

И еще одна особенность — из ее стен вышли 43 мастера спорта. Среди них известный баскетболист Яак Липсо. Два года подряд (в 1969 и в 1970) баскетбольная команда школы завоевывает кубок делегатов I съезда комсомола Эстонии. В прошлом году сборная мальчиков по баскетболу классов В и С выиграла приз на всесоюзном турнире на кубок газеты «Эдаси». На первенстве Европы по лыжам в 1969 году ученик школы Рутх Рехема завоевал серебряную медаль, он кандидат в сборную Союза.

В школе учится и Андрес Тамм, кандидат в сборную Союза по легкой атлетике, достигнувший в тройном прыжке результата 13,46 метра, и Пееп Ридала — его время в беге на 5000 м — 16.26.6 мин.

На столе в маленькой комнате при физкультурном зале лежит целая куча наград командам школы: здесь кубки по баскетболу, лыжам, настольному теннису, легкой атлетике из разных городов и республик страны.

Как же получается так, что не в специальной спортивной, а в самой обыкновенной школе вырастают мастера и чемпионы?

Кто бы мог объяснить это?

Сегодня Марет и Матти выступают в роли тренеров

— Поговорите с Марет Ратт и Матти Мальмре, — советует учитель физкультуры. — Матти — легкоатлет, Марет — лыжница.

Урок пришлось просидеть в коридоре — у Матти была контрольная по математике. Марет мы извлекли из буфета.

Марет шесть лет назад начала заниматься лыжами. Два последних года завоевывала звание чемпионки среди девушек города Тарту, имеет

первый разряд. В этом году выиграла серебро на соревнованиях среди женщин Эстонии.

Матти занимается легкой атлетикой четыре года, сначала занимался велоспортом, потом перешел в легкоатлетическую секцию. В 1969 году в Риге в беге на 1500 метров на соревнованиях профсоюзов он был третьим. Его результат — 4,09 мин. — рекорд города Тарту.

Матти — председатель комитета физкультуры школы и еще вожатый в четвертом классе. Вместе с младшими друзьями он ходит в походы, недавно проводил военную игру.

Не мешают ли обязанности вожатого тренировкам двухкратного чемпиона республики среди юношей по легкой атлетике?

Мнение юного чемпиона Матти Мальмре:

— Не только не мешает, но, напротив, работа с малышами — отличная тренировка — регулярная и, главное, разнообразная.

— А ведь это очень важно — разнообразие в спортивных занятиях, — добавляет Марет. — Я — лыжница, но в тренировки непременно включаю бег, прыжки, скакалку, баскетбол...

Над доской с объявлениями в физкультурном зале крупными буквами написано: «Ära unusta!» — «Не забудь!» Это звучит как девиз учеников первой тартуской школы. Девиз общий, а не одних только чемпионов.

Если не забывать, если всегда помнить о спорте, любая школа станет спортивной.

*Н. Крогова
Фото Кальо Рауд*

**«Школа=спортшкола»
Отличное уравнение!**

**Будет ли так повсюду!
Читатели, ваше мнение!**

МАТЧ ГИГАНТОВ

СССР-США

1970

ЛЕНИНГРАД

ЧТО ЗА ГИГАНТЫ

«Поединок столетия», «Матч гигантов» — подобные заголовки впервые появились на страницах газет летом 1958 года. Так журналисты называли легкоатлетический матч двух ведущих спортивных держав мира — СССР и США. Конечно, в этом была доля преувеличения: матч 1958 года не единственный в нашем столетии, и не всех участников стоило называть гигантами, разве что восьмипудовых метателей Ринка Бабку и Михаила Кривоносова.

Но этот пышный титул со временем стал привычным, и прежде чем отправиться на очередные смотрины атлетов из-за океана, я обычно писал спортивное обозрение «Что «матч гигантов» нам готовит?» В 1970 году американская команда прибыла в Ленинград — девятый матч проходил на берегах Невы.

ШЛЯПА НА ЗАКУСКУ

Накануне первой встречи американская команда пользовалась репутацией непобедимой. Руководитель делегации США мистер Собер заявил на пресс-конференции:

— Если мы уступим русским, я съем свою шляпу!

Свою гастрономическую причуду он смог бы осуществить уже через день, и в последующие годы ему представлялась возможность закусить своей шляпой раз пять. Шесть раз в восьми матчах общекандный приз завоевывали советские легкоатлеты.

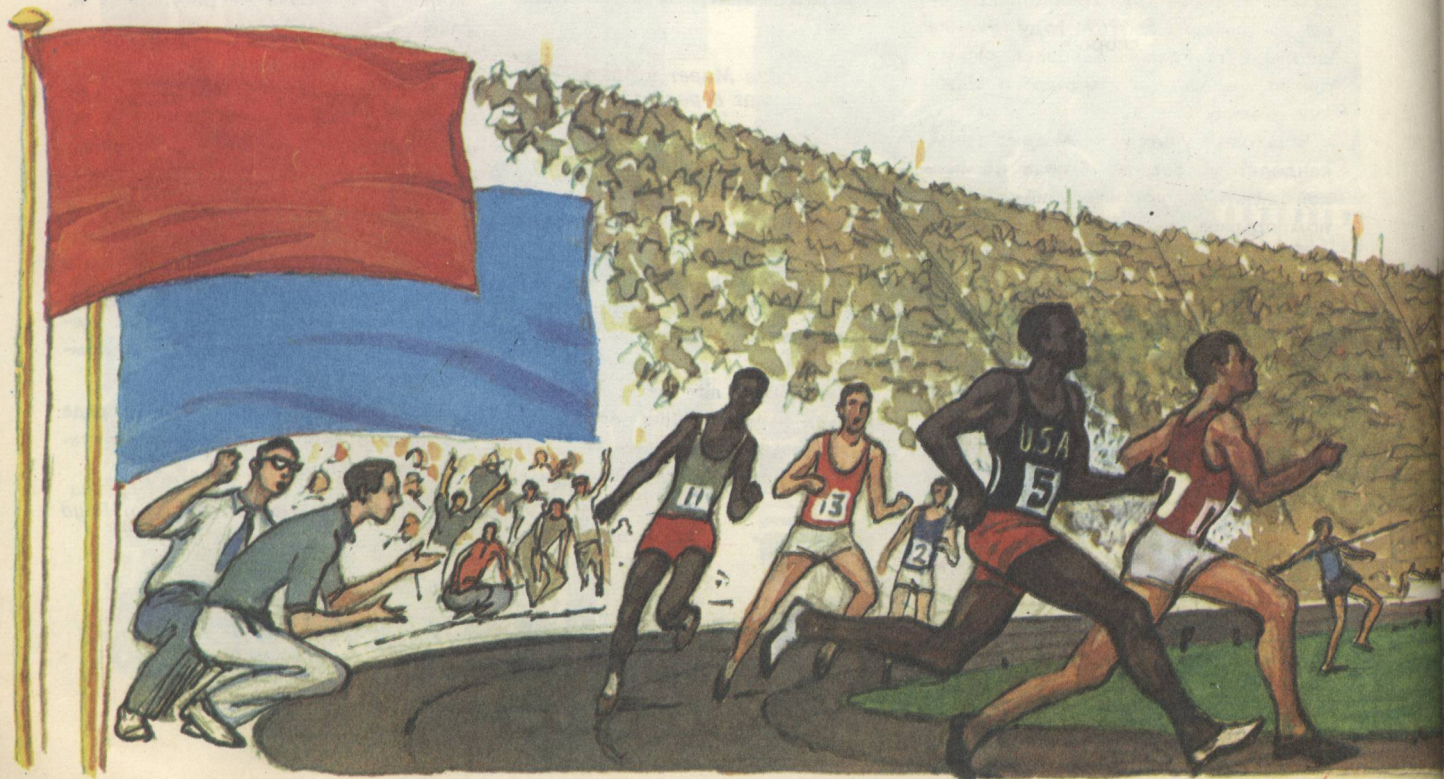
РЕКОРД РЕКОРДОВ

Трудно выделить какую-либо встречу — в каждом матче было множество незабываемых эпизодов. Семнадцать поправок в таблицу мировых рекордов внесли участники этих состязаний.

Однако один рекорд и по сей день вызывает всеобщее восхищение, ибо превзойти этот рекорд за восемь лет не удалось никому. Короткая запись в таблице высших достижений Международной легкоатлетической любительской федерации гласит:

Прыжок в высоту. Валерий Брумел (СССР) 2 м 28 см. Москва. 21 июля 1963 года.

Вспоминаю: накануне пятого матча на стадионе в Лужниках пришлось по просьбе Брумеля спешно переоборудовать сектор для прыжков в высоту: стойки, на которых устанавливалась планка, возвышались лишь на 225 см...

ВОПРЕКИ СТИХИЯМ

Ленинградский матч был суровым испытанием и для зрителей. Погода выдалась промозглая. Сильный порывистый ветер нагнал тяжелые, свинцовые тучи. Весь первый день матча ни на минуту не прекращался дождь.

Только что уложенной резино-битумной дорожке это было нипочем, зато на трибунах все промокли до ниточки.

И все же двадцать пять тысяч счастливых — обладателей билетов — пунктуально отсидели три часа на бетонных трибунах. Это тоже своего рода неофициальный «мировой рекорд».

СКОРОСТЬ

В пресс-центре матча среди фамилий трехсот двадцати корреспондентов всего мира значилась и моя, а рядом, в скобках — Школа «Спринт». Так я представлял здесь двадцать тысяч юных бегунов, наших учеников. Конечно, многие из них сами в дни матча ни на шаг не отходят от телевизора. Но для тех, кто не видел соревнований, восстановим перипетии поединка на стометровке.

В прошлом году на страницах «Костра» появился портрет чемпиона нашей страны Валерия Борзова. По единодушному мнению специалистов, Борзов — лучший спринтер Европы. А в мире? Ответ должен был дать матч СССР—США.

Впрочем, американцы не сомневались в успехе. Еще бы, в восьми матчах у них восемь побед на стометровке. И каких побед! Черные звезды, рекордсмены мира, олимпийские чемпионы боролись за первенство только друг с другом.

А Борзов? Мог ли он — чемпион Европы, закаленный боец, смириться с ролью статиста в этом забеге? Нет, Валерий не собирался уступать заокеанским спринтерам, и ни проливной дождь, ни холодный ветер не могли помешать ему быть на финише первым.

Удивительно проходил этот бег. Борзов немного, но все же засиделся на старте. Мыслимо ли за оставшиеся мгновения настичь стремительно ушедших вперед американцев! Но киевлянин нашел правильный ритм и сумел нарастить скорость. И этот мощный разгон

позволил бегу в алой майке на последних метрах выйти вперед!

Можно ли научиться бегать «по-борзовски»? Конечно! Для этого надо так же, как он, начать заниматься легкой атлетикой еще в школьные годы. А тех, кого интересует техника бега, советуем заглянуть в № 9 журнала «Легкая атлетика» за 1970 год. Там, на страницах 16 и 17, вы найдете кинограмму бега Борзова с комментариями мастера спорта Л. Ойфебаха.

СМЕЛОСТЬ

Давно ли, всего несколько лет назад, киевлянин Женя Аржанов выступал на соревнованиях по группе юношей! Он без труда обгонял своих сверстников на самых разных дистанциях. Но пришла пора делать выбор, и Женя отдал предпочтение бегу на два круга. Друзья этого не одобрили.

— Мастерского значка тебе не видать... — сочувствовали одни.

— В Киеве будешь первым, на всесоюзных соревнованиях, может быть, отличишься, а уж с зарубежными бегунами не потянешься... — уверяли другие.

Спорить было бесполезно. Действительно, мастеров спорта в беге на два круга можно по пальцам перечесть, да и они не блистали на международной арене.

Три года Аржанов не знал покоя. В зной и стужу, на битумных, гравевых и опилочных дорожках стадионов, на узких тропинках Голосеевского леса под Киевом отмерял Евгений километр за километром. И вот пришла пора сдавать экзамен.

Соперники подобрались для Аржанова серьезные: обладатель лучшего мирового достижения в сезоне Кен Свенсон, чемпионы США и СССР Марк Уэнсенрид и Сергей Крючек, гость матча — лучший бегун Европы Иозеф Плахи из Братиславы.

Первый круг — 53 секунды. Здорово! Ведь погода такая, что добрый хозяин собаку на улицу не выпустит. Если просто сохранить в дальнейшем эту скорость (что в беге на 800 метров редко удается), и то получится результат экстракласса.

Аржанов смело рвется вперед. У соперников уже нет сил принять вызов. С каждой долей секунды отрыв возрастает. Второй круг пройден за 52,6 секунды! А вся дистанция — за 1 минуту 45,6 секунды. Время Аржанова вошло в список десяти лучших достижений за всю историю мировой легкой атлетики!

— Триумф, достойный олимпийского финала, — так оценил бег Аржанова телекомментатор компании «Коламбия» Ральф Бостон, сам еще недавно побеждавший в «матчах гигантов».

НАСТОЙЧИВОСТЬ

В составе каждой команды имелись свои дебютанты, свои ветераны. Но никто не мог похвастать, что выступал во всех матчах. Никто, кроме Вилли Уайт, американской прыгуньи в длину.

На первом матче СССР—США Вилли привлекала общее внимание маленьким ростом, копной ярко-рыжих волос и несколько странной для негритянки фамилией Уайт («уайт» — по-английски «белая»). Ей было в ту пору всего семнадцать лет. Тогда Вилли, сделав последнюю попытку, расплакалась: победа досталась советской прыгунье Чуйко.

Неудачи преследовали Уайт во втором, третьем и всех последующих матчах. Трудно было не отчаиваться и из года в год отстаивать право выступать в сборной национальной команде.

И только во время восьмого матча с легкоатлетами СССР Уайт добилась своего. Через одиннадцать лет после первого старта в Москве она все же поднялась на верхнюю ступеньку пьедестала почета! В Ленинграде она снова принесла команде максимальное число очков — пять.

Первой ее поздравила подруга по команде Мэвис Лэйнг. Интересно, что когда Вилли впервые отправилась в Москву, Мэвис было всего... четыре года. А теперь обеих украшали ленты победительниц — школьница Лэйнг опередила всех в беге на 200 метров.

ВО ВСЕОРУЖЬЕ

Сила, скорость, смелость, самообладание, настойчивость... Без них не добьешься успеха на состязаниях всемирного масштаба. У каждого победителя есть все эти качества. Но есть и что-то свое, что приносит в конце концов победу именно ему.

Как не восхищаться стабильностью метателя молота Ивана Бондарчука. Ведь все шесть бросков он сделал за 70 метров. Любая попытка обеспечивала ему превосходство над соперниками.

Тактическим мастерством блеснул ленинградец Рашид Шарафетдинов. Одиннадцать кругов он ни на шаг не отпускал конкурентов, а на последнем предпринял такой спурт, что соперники словно остановились на месте.

Метатель копья Уильям Skinner проявил завидную выдержку. Решающим оказался его последний бросок, после чего среди побежденных остался сам олимпийский чемпион Лусис!

Труднее всего в эти два ненастных дня пришлось десятиборцам. Распределение мест (первым стал Николай Авилов) здесь прежде всего зависело от собранности, предельной концентрации сил.

И самое главное, что предредило исход командной борьбы в пользу советских спортсменов, это боевой дух, воля к победе!

Для любителей статистики. Окончательный счет матча 200:173 в пользу команды СССР. Советские легкоатлеты выиграли 19 номеров программы, американские — 16.

Ю. Михайлов

Рисунки В. Орлова

ЛУЧШЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Однажды Сократ был приглашен на пир философов. Ученые мужи произносили длинные речи, состязаясь в красноречии.

Позднее друзья спросили у Сократа:

— Кто из выступавших понравился тебе более других?
— Агафон.

— Но ведь это всем известный невежда, и к тому же он не произнес ни единого слова!

— Ах, друзья, — отвечал мудрец, — нет ничего приятнее, чем слушать молчание глупца.

$$2 + 3 = 4$$

Такое сообщение послала в просторы Вселенной обсерватория Грин Бэнк. Дело в том, что на протяжении многих лет эта обсерватория пытается установить контакт с разумными существами в других мирах, передавая в космос, «чтобы завязать разговор», такие общепонятные уравнения как «дважды два — четыре». Поскольку инопланетные жители до сих пор не откликнулись, астроном Эндрю Левковиц предложил направить в космос заведомо ошибочное послание.

Может быть, далекие братья по разуму захотят исправить ошибку землян?

ЧТО ЦЕЛОВАТЬ?

Великий автор «Гаргантюа и Пантагрюэля» Франсуа Рабле служил одно время при французском поселе в Ватикане кардинале Дю Белле. Однажды они с послом пришли на прием к папе римскому. Кардинал приблизился к папе и, встав на колени, как полагалось по этикету, поцеловал у него туфлю. Увидя это, Рабле, не говоря ни слова, повернулся и ушел.

Когда посол спросил его, почему он это сделал, Рабле ответил:

— Вы, мой начальник, поцеловали у папы туфлю. Что же оставалось целовать мне, вашему подчиненному?

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

(Телеграфное агентство шахматистов и шашкистов)

Из штаба АРЧЕБЕКА передают, что победителями прошлого года рыцарского турнира признаны рыцари, набравшие по 150 очков. Им высланы дипломы, памятные подарки, а также документы о присвоении 2-го спортивного разряда.

Победителям трижды салют!

Вот они:

Саша Анашкин, Саша Асташкин, Миша Бержанер, Володя Бледных, Сережа Бакулин, Сережа Бац, Лена Балова, Семен Бараш, Ваня Васильев, Сережа Вилкомир, Толя Гудзюк, Витя Гальт, Валерий Гальт, Володя Гульдас, Саша Голубцов, Юра Гаврилов, Толя Гаврик, Сережа Грачевский, Сережа Горский, Витя Даценко, Рашид Изикаев, Саша Игонин, Женя Кириллов, Саша Казанцев, Феликс Косниковский, Игорь Крючков, Лена Кореневская, Саша Кондратьев, Сережа Ковалев, Юра Коренблит, Толя Компанеен, Толя Коц, Олег Лаврентьев, Оля Ли, Коля Медяков, Сережа Мальцев, Володя Морозов, Жуманкельды Мусабеков, Толя Мильченко, Толя Музлов, Раян Нурлубаев, Дима Опарин, Юра Отрох, Игорь Подопригора, Сережа Петухов, Геннадий Плещак, Павел Павлов, Валерий Пронин, Сережа Ружников, Саша Рудометов, Андрей Рудометов, Володя Рязанов, Станислав Сопин, Илья Синицкий, Сережа Стожков, Саша Столяров, Володя Скрипник, Володя Судоргин, Валерий Сытин, Бекен Тайбуров, Геннадий Токмачев, Игорь Усенко, Володя Федоров, Саша Хильченко, Марк Хуторецкий, Витя Хашанский, Володя Шуранов, Коля Шустов, Витя Шишкин, Лева Эпштейн, Витя Якимов, Юра Яловский.

РЫЦАРИ, ШТУРМУЙТЕ БАСТИОНЫ!

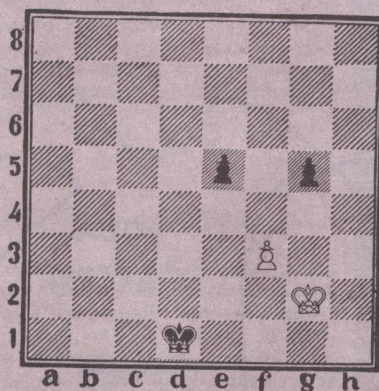
Вот задача А — белые: Крe1, Фa4, Сb8, п.а7; черные: Кра8, Сh7, п.д7. Здесь, чтобы дать мат в три хода, белый ферзь должен «перехитрить» черного слона.

Вот задача Б — белые: Крс2, Сf8, Кb4, п.б3, g7; черные: Кра3, п.б6. Тут тоже мат в три хода, но белым нужно отразить попытки черных создать пат.

АРЧЕБЕК

№ 1

И, наконец, этюд В (см. диаграмму № 1). Как белые в нем могут сделать ничью?

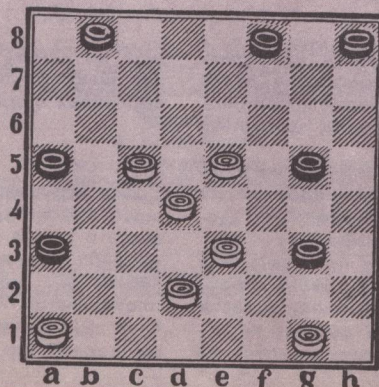
Боевое задание шахматистам дано! А с чем придется иметь дело шашечным рыцарям? Их ждут такие позиции.

А (Н. Торопов) — белые: a1, b2, b4, c3, c5, d2, g1; черные: a5, a7, c7, d6, e7, g3, g5. Белые проводят выигрышающую комбинацию.

Б — белые: c7, e7; черные: d4, h8. Белые выигрывают.

В (В. Соков) — см. диаграмму № 2. Белые выигрывают.

№ 2

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Сумеешь ли ты подать точную команду своим фигурам, если будешь действовать королем и ладьей против вражеского короля?

Вот тебе боевое задание.

Перед тобой две позиции — 1. Белые: Крс2, Лс4; черные: Крh3; 2. Белые: Крс6, Лa1; черные: Крд8. Найди, как в этих позициях белые дают мат в два хода.

А теперь поставь позицию 3 (см. диаграмму № 3). В ней найди за белых мат в 3 хода.

КНОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Куда идут белые и черные на диаграммах?

— Белые — вверх, черные — вниз!

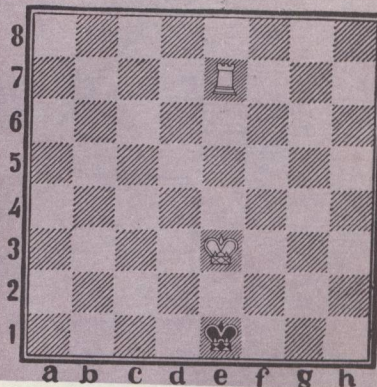
— Может ли пешка, дойдя до 8-й линии, превратиться в такую фигуру, какая еще стоит на доске?

— Может!

— Можно ли рокировать ладьей, которая двигалась и вернулась на свое место?

— Никогда!

№ 3

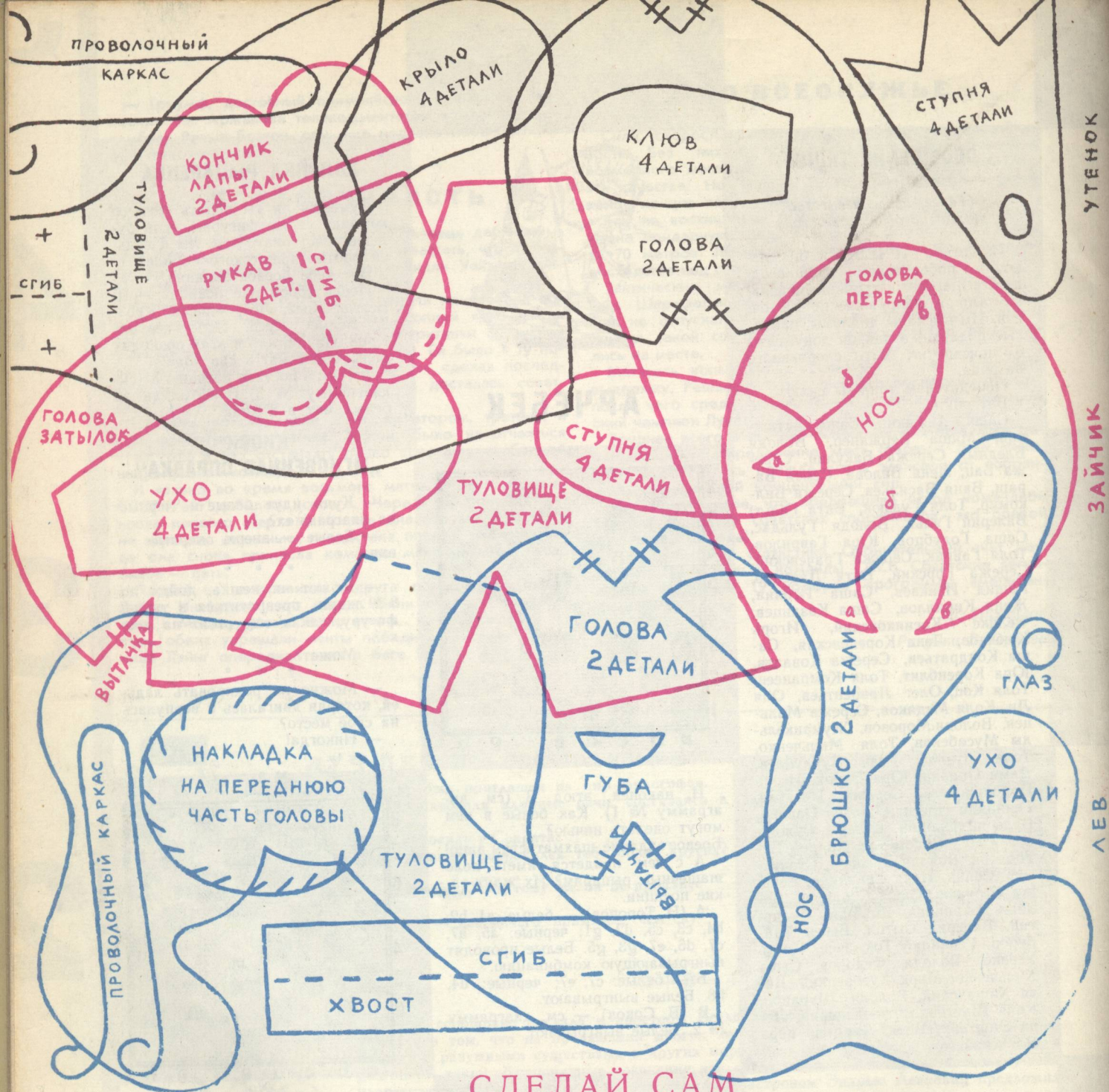
ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и рыцарям доложить о выполнении боевых заданий до 1 июля!

§ 2. На конвертах помечайте «АРЧЕБЕК» и указывайте свой адрес. Рапорт присылайте один раз: дополнения не принимаются!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

СДЕЛАЙ САМ

Многие ребята просят редакцию научить их делать мягкие игрушки. Одна читательница попросила опубликовать двадцать выкроек мягких игрушек: «пингвина, собаки, кошки, льва, медведя, поросенка, цыпленка, утенка, страуса, тигра...»

На просьбу ребят откликнулась Анна Васильевна Ефимова, педагог Ленинградского Дворца пионеров имени А. А. Жданова. Анна Васильевна рассказывает, как сделать мягкие игрушки — льва, утенка, зайчика.

Чертеж выкройки переведи на картон и вырежь все детали. Картонную выкройку наложи на левую сторону материала и точно обрисуй. Потом вырежь, оставив 0,5 см на шов. Затем сметай и шей. В деталях из искусственного меха, фетра, сукна и клеенки припуск на

шов не нужен, их сшивают через край толстой ниткой или шьют по правой стороне петельным швом, не выворачивая форму.

Лев

Для игрушки «Лев» возьми материал желтого, оранжевого или коричневого цвета. Сшей обе части туловища с двумя частями брюшка так, чтобы совпали буквы «аб». В передние и задние ноги вставь проволочный каркас (см. чертеж), потом наполни шитую форму плотно ватой. Голову сделай из двух половинок, не забудь про вытачки! Накладку на переднюю часть головы сделай из материала другого цвета, собери ее по

краю, слегка стяни, вложи в нее комочек ваты и пришей к передней части головы. Этот шарик перетяни посередине черной ниткой.

Нижняя губа — из красного фетра. Вместо носа пришей черную булавку или пуговицу. Для глаз вырежь кружок из черной клеенки, под него положи другой — из белой клеенки (см. рис.). В хвост вставь проволоку. Для гривы и кисточки на кончике хвоста понадобится пушистый мех или шерстяные нитки.

Утенок

Для утенка годится желтый или белый плюш или искусственный мех.

Сшей обе части туловища и вставь в него проволочный каркас так, чтобы 5 сантиметров приходилось на ноги. Обшей их полоской красного фетра или обмотай красными нитками и пришей ступни из красного фетра. Соедини края внизу туловища так, чтобы совпали крестики, обозначенные на чертеже. Прикрепи сшитую голову к туловищу. Клюв сделай из того же фетра, что и ступни. Синие или черные глаза дополни белым подглазником. Одень утенка по своему вкусу.

Зайчик

Для головы, ушей, ступней и кончиков верхних лапок зайчика понадобятся ткань белого или серого цвета. Для туловища и рукавов возьми материал любой расцветки. Прикрепи к сшитой голове нос (по линии «абв»). Затем сшей дугообразную линию носа. На задней части головки — вытачка. Потом соедини обе половинки. Выверни готовую форму на правую сторону и набей ватой, попарно сшивая уши, прикрепи их к голове. Кончик носа vyšей красными нитками. Сшитое вдвойне туловище выверни на правую сторону и набей ватой. Зашей штанишки внизу, а к ним пришей ступни. Лапки прикрепи к рукам, затем согни рукав (по линии сгиба). Оставь незашитым отверстие, обозначенное пунктиром, а через него выверни форму на правую сторону. Набей туловище ватой и зашей отверстие незаметным швом. Лапки пришей к туловищу или притяни их суровой ниткой.

Фото Б. Уткина

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. По-
ройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Позодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь),
Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Маевская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон 14-57-76.

М-86978.

Тираж 600 000 экз.

Подписано к печати 25/II 1971 г.

Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 8.

8,8 уч.-изд. л.

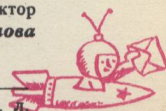
Заказ № 32

Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

СОДЕРЖАНИЕ

Гагарин	1
Три месяца и вся жизнь очерк В. Григорьева рисунок М. Таранова	2
Страна Поэзия гравюра В. Бендингера М. Матусовский	5
Операция „Чукотка“ повесть Ю. Рытхэу рисунки А. Овсянникова	7
Почта КОСТИ ТЕРКИНА обзор писем	23
Поговорим о твоём рисунке беседа А. Пахомова	24
Набат рассказ С. Ласкина рисунки В. Бескаравайного	26
Какого цвета у рыбы крылья?.. репортаж О. Колесовой фото О. Васильевского	32
Океан-2 морские пионерские маневры	35
Люди, которые строят „Восток“ оформление В. Свешникова и А. Януса	36
Маршрут: „Страна знаний“ рассказ В. Лосенкова фото А. Прутта	38
Я — инспектор манежа повесть Р. Балаановского рисунки Ю. Шабанова	40
Вот так штука!	46
Удивительные люди стихи В. Торопыгина рисунки И. Казаковой	48
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА обзор книг	49
Похвальное слово сваве очерк И. Долиняка и О. Яро- шевского оформление А. Януса	50
Уголёк журнал для малышей рисунки И. Казаковой	53
Биченковская почта обзор А. Крестинского рисунки Г. Ковенчука	55
Морская газета оформление Р. Попова	56
На выставке „Костра“ гравюры С. М. Мочалова	58
Не забудь! репортаж Н. Кротовой фото К. Рауд	59
Матч гигантов спортивное обозрение Ю. Ми- хайлова рисунки В. Орлова	60
Уголок веселого архивариуса	62
Арчбек	63
Сделай сам! самodelки А. Ефимовой	64
На обложке рисунок В. Курдова	
На 4-й странице обложки головоломки рисунки И. Казаковой	

Из старого задачника

Леша с Мишей нашли за печкой старый задачник. Попробуйте и вы решить задачу.

Два господина держат пари: чья лошадь перегонит, тот за каждую версту получает 200 рублей. Лошадь одного в полторы минуты бежала три четверти версты, а другого — в две с третью минуты — одну и три четверти версты, и бежали 8 минут. Кто из них выиграл и сколько?

Чем завален твой верстак? Это вовсе не пустяк

Сережа решил смастерить табуретку. Он подошел к верстаку и задумался: какие инструменты ему пона-

добыться? Кто поможет ему разобраться, а заодно подскажет, как правильно разложить инструменты? Все ли инструменты на верстаке вы знаете по названиям и по назначению?

Рецепты гнома- гастронома

Волшебный салат

Возьмите небольшой кочан капусты. Капусту мелко нашинкуйте, положите в миску и полейте кипятком. Пусть немного постоит, потом слейте воду, посыпьте сахаром, солью, полейте маслом и уксусом. Можно посыпать немного тмином, если он есть, но главное — не забудьте, прежде чем подавать на стол, произнести заклинание: «Хорошо ль нас учит гном, мы проверим за столом!»